



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

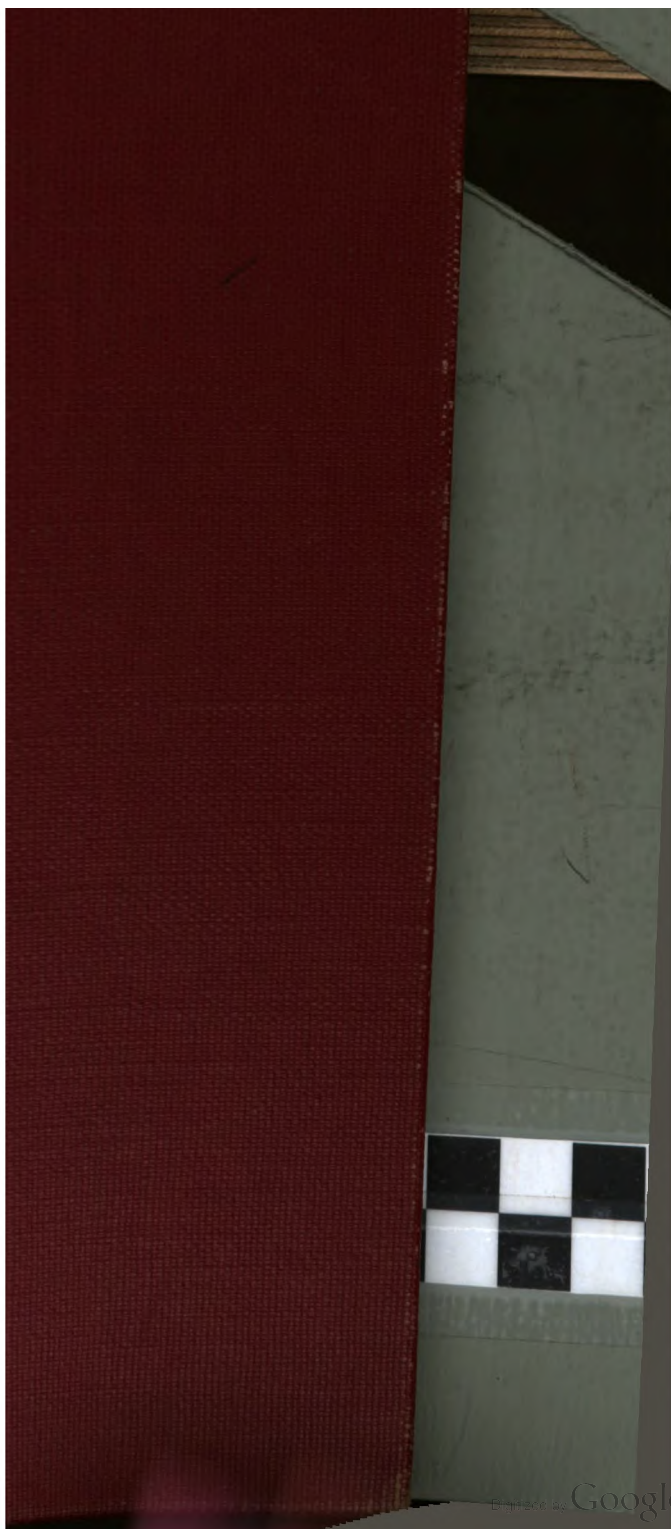
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

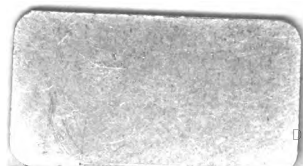
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



Slav 950.11.5-



**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**



;

;

ВЕРХОВНИКИ И ШЛЯХЕТСТВО

1730-го ГОДА.

По повелу сочинения Д. А. Корсакова: „ВОЦАРЕНИЕ
ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ“.

Ордена, профессора Императорскаго Казанскаго Университета.

Н. П. Загоскина.

КАЗАНЬ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1881.

1510
67.2134
77

Slav 950.11.5

✓



ОБЪЯВЛЕНИЕ

Сопр 2

Law

113

KR

2310

По определению Юридического факультета Императорского
Казанского Университета печатать дозволяется. Казань, 6 сеп-
тября 1881 года.

Докладъ Н. Крестьян.

Послѣдній историческій трудъ *Д. А. Корсакова*—„Воцареніе императрицы Анны Іоанновны“—имѣетъ своею задачею выясненіе одного изъ самыхъ видныхъ событій русской государственной жизни второй четверти XVIII-го столѣтія: попытку членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта ограничить въ 1730 году самодержавіе императрицы Анны Іоанновны.

Общая картина этой неудавшейся попытки была слѣдующая: въ ночь съ 18 на 19 января 1730 года скончался отрокъ-императоръ Петръ II; съ нимъ пресѣклось мужское поколѣніе дома Петра I-го—и русскому государственному быту представилась необходимость видѣть на престолѣ одну изъ дочерей старшаго брата его, царя Іоанна Алексѣевича. Явленіе небывалое на Руси со временъ великой княгини Ольги: престолъ долженъ былъ достаться особѣ женскаго пола. Въ самую ночь кончины Петра II-го, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ количествѣ пяти человекъ, пригласивъ съ собою еще трехъ вельможъ, бывшихъ въ то время во дворцѣ—удалились въ особую комнату для обсужденія вопроса о томъ, кому занять осиротѣвшій престолъ русскій. Въ числѣ этихъ восьми особъ—видимъ имъ четырехъ представителей рода князей Долгоруковыхъ (князей Алексѣя Григорьевича, Василія Лукича, Михаила Владиміровича и Василія Владиміровича), двухъ представителей рода князей Голицыныхъ (князей Дмитрія Михайловича и Михаила Михайловича), канцлера графа Гавр. Ів. Головкина и вице-канцлера барона Ан. Ів. Остермана. Перемѣна шести лицъ пред-

ставляли собою квинт-эссенцію современной родовой элиты, будучи потомками Долгоруких и Голицыных, имѣвшихъ за собою блестящія традиции въ Руси Московской, а Долгорукіе сверхъ того — потомками удѣльныхъ князей Гюрикова дома. Двое послѣднихъ лицъ — были люди выслуги, принадлежащіе къ числу тѣхъ случайныхъ людей, которые возникли лишь со вступленіемъ русскаго государства на путь Петровскихъ реформъ, съ тѣмъ только различіемъ, что первый былъ изъ рода мелкихъ городскихъ дворянъ Московской Руси, второй же принадлежалъ къ сонму даровитыхъ иѣмцевъ — выходцевъ начала XVIII-го столѣтія. Такойъ былъ личный составъ случайнаго собранія сановниковъ, явившагося, какъ мѣтко и вѣрно выражается Д. А. Корсаковъ, какинъ-то „самозваннымъ учредительнымъ собраніемъ“, рѣшающимъ судьбы русской императорской короны. Ясно, что весь центръ тяжести лежалъ въ этомъ собраніи въ шести князьяхъ Долгоруковыхъ и Голицыныхъ, непосредственныхъ потомкахъ родословныхъ бояръ, всегда игравшихъ видныя политическія роли въ Московской государственной жизни; это положеніе вполне оправдывается дальнѣйшими событіями начала 1730 года. Въ результатѣ совѣщаній этихъ восьми лицъ — „верховниковъ“, какъ принято называть ихъ въ литературѣ, — оказалось избраніе на русскій престолъ, по предложенію Д. М. Голицина, младшей дочери царя Іоанна, курляндской герцогини Анны, съ устраненіемъ старшей дочери его, Екатерины Мекленбургской. Покончивъ такимъ образомъ вопросъ объ избраніи императрицы, верховники стали разсуждать о томъ, какъ-бы „себѣ полегчить“ и „воли себѣ прибавить“. „Хоть и зачнемъ, да не удержимъ этого“, — замѣтилъ князь В. Л. Долгорукой; „право удержимъ“ — ободрагъ его князь Д. М. Голицинъ. Рѣшено было сочинить „пункты, чтобъ не быть самодержавію“ и съ тремя депутатами отправить ихъ въ Митаву, къ вновь избранной государынѣ, вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о состоявшемся избраніи ея; депутаты должны были увѣрить императрицу, что предлагаемыя ей къ подписанію ограничительныя условія выражаютъ собою волю всего народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были энергическія мѣры къ тому, чтобы Анна Іоанновна не была заблаговременно предупреждена объ истинномъ положеніи вещей сторонниками самодержавія и, слѣдовательно, не отказалась „пунктовъ“, обманомъ навязанныхъ ей вер-

ховниками: кругомъ Москвы учреждены заставы и никто не долженъ былъ выѣзжать изъ столицы безъ вѣдома и разрѣшенія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Мѣры эти не достигли своей цѣли: Аннѣ Іоанновнѣ съумѣли дать знать о замыслахъ верховниковъ. Остановимся на самой сущности ограничительныхъ условій, предложенныхъ Аннѣ Іоанновнѣ. Въ силу этихъ условій, она обязывалась всегда „содержать“ верховный тайный совѣтъ изъ восьми особъ и безъ согласія послѣдняго: 1) ни съ кѣмъ не начинать войны; 2) не заключать мира; 3) не вводить новыхъ податей; 4) не жаловать въ чины выше полковника, какъ по военной, такъ и по штатской табели чиновъ, а войскамъ гвардіи и арміи быть подъ вѣдѣніемъ В. Т. Совѣта; 5) у шляхетства (дворянства) безъ суда „живота и имѣнія и чести не отымать“; 6) не жаловать вотчинъ и деревень; 7) въ придворные чины безъ совѣта В. Т. Совѣта не производить; 8) государственныхъ доходовъ въ расходъ не употреблять и 9) всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ содержать въ неотвѣтной милости.

Вникая въ содержаніе означенныхъ пунктовъ,—мы не можемъ не замѣтить въ нихъ стремленія верховниковъ высоко поставить значеніе В. Т. Совѣта и сдѣлать его учрежденіемъ замкнутымъ, доступъ въ которое былъ-бы доступенъ лишь для немногихъ избранныхъ (п. 4 и 7).

Посланнымъ отъ верховниковъ депутатамъ удалось заручиться подписью Анны Іоанновны на предложенныхъ ей условіяхъ—и дѣло верховниковъ повидимому торжествовало. Между тѣмъ шляхетству извѣстны стали замыслы верховниковъ и возбудили сильное неудовольствіе въ его средѣ; образовались партіи въ средѣ дворянства: одни предлагали напасть на верховниковъ и, перебивъ ихъ, уничтожить вмѣстѣ съ ними и ихъ замыслы; другіе же, болѣе умѣренные, желали лишь дать понять верховникамъ, что они не уполномочены самолично, немногимъ составомъ, передѣлывать государственное устройство. Въ виду возникшаго въ средѣ шляхетства движенія, В. Т. Совѣтъ счелъ себя вынужденнымъ идти съ нимъ на компромиссъ и разрѣшилъ представленіе въ Совѣтъ коллективныхъ проектовъ, мнѣній и заявленій шляхетства; такихъ проектовъ извѣстно въ наши дни двѣнадцать: эти проекты предлагаютъ реорганизацію существующаго государственнаго строя,—на гораздо болѣе умѣренныхъ впрочемъ началахъ, сравнительно съ планомъ вер-

ховниковъ. Но верховники слишкомъ поздно спохватились въ томъ, что восьми лицамъ невозможно располагать судьбами обширнаго государства, да къ тому же невыдержанность и неумѣлость плана дѣйствій ихъ сильно дискредитировали дѣло ихъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Не смотря на выраженное ими согласіе на дальнѣйшія уступки шляхетству—25 февраля во дворцѣ собралось до 800 человекъ изъ сената, отъ генералитета и дворянства. прося императрицу созвать особую комиссію выборныхъ отъ дворянства, для обсужденія, какъ самыхъ ограничительныхъ пунктовъ, такъ и вопроса о реорганизаціи государственнаго строя. Хотя императрица, вопреки протесту верховниковъ, и подписала поданную ей челобитную, тѣмъ не менѣе послѣдней не пришлось имѣть дальнѣйшаго хода: по почину присутствовавшихъ при этомъ гвардейскихъ офицеровъ, приверженцы стараго режима предложили шляхетству выразить государнѣ благодарность поднесеніемъ ей самодержавіа—и это предложеніе, сочувственно принятое большинствомъ шляхетства, тутъ же и было приведено въ исполненіе. Императрицѣ поднесена другая челобитная, подносявшая ей *самодержавіе* таково, каково ея славные и достохвалныя предки имѣли, просившая ея уничтожить подписанные ею въ Митавѣ ограничительныя пункты и уничтожить ненавистный Верховный Т. Совѣтъ, возстановить прежнее значеніе Петровскаго Сената. Вслѣдъ затѣмъ былъ изданъ императрицею и листъ съ подписанными ею пунктами.

Такъ окончилась неудачная попытка верховниковъ ограничить самодержавіе Анны Іоанновны.

I.

Само собою разумѣется, что взявъ въ руки историческое сочиненіе Д. А. Корсакова, читатель имѣетъ полнѣйшее основаніе искать въ книгѣ его историческаго освѣщенія событія 1730 года, вправѣ рассчитывать найти въ ней изложеніе связи даннаго событія съ предшествовавшими эпохами развитія русской государственной жизни, а также и съ явленіями послѣдующаго времени.

Попытку дать историческое освѣщеніе событію 1730 г. находимъ мы у Д. А. Корсакова во введеніи къ его книгѣ, на стр. I—XIV. Здѣсь авторъ указываетъ причины, подготовившія событія воцаренія Анны Іоанновны, руководствуясь

мыслями, высказанными въ статьѣ г. Карновича: „Замысли верховниковъ и челобитчиковъ въ 1730 году“ (Отеч. Зап. 1872 г., т. СХСХ). Сравнивая изложеніе этихъ причинъ въ книгѣ г. Корсакова съ одной стороны, и въ статьѣ г. Карновича съ другой стороны — нельзя не отдать предпочтеніе изложенію послѣдняго, какъ съ точки зрѣнія полноты и ясности, такъ и съ точки зрѣнія аргументаціи. Нельзя не пожалѣть что авторъ, передѣливая и сокращая доводы г. Карновича, не указалъ на источникъ, изъ котораго заимствовалъ мысли, легшія въ основу его изложенія; желающій ближе ознакомиться съ вопросомъ о причинахъ событія 1730 г. могъ бы, руководствуясь ссылкой автора, раскрыть статью Карновича и найти несравненно болѣе подробную и ясную аргументацію. Вообще, рассматриваемая часть книги Д. А. Корсакова — слабѣйшая во всемъ сочиненіи. Ясно, что авторъ, не желая терять трудъ на самостоятельную разработку историческихъ причинъ событія 1730 года, съ презрѣніемъ игнорируетъ Русь до-Петровскую; обходя указанія Карновича (хотя и весьма краткія) на явленія государственной жизни Московскаго государства, могущія стоять въ связи съ событіемъ 1730 г., — заимствуетъ только тѣ причины, выясняемыя г. Карновичемъ, которыя коренятся въ явленіяхъ жизни начала XVIII и отчасти только конца XVII столѣтія.

Въ своемъ введеніи, Д. А. Корсаковъ прежде всего пытается уяснить характеръ реакціи „противъ программы царя-преобразователя“, реакція имѣвшей мѣсто какъ при жизни Петра I, такъ и послѣ его кончины. Первая, говоритъ авторъ, была *пассивная*, такъ какъ открыто сопротивляться Петру было невозможно, вторая же — *активная*, наступившая со смертью преобразователя. Установивъ такимъ образомъ различіе реакціи противъ „программы“ Петра при жизни послѣдняго и послѣ его кончины — авторъ старается кратко охарактеризовать оба вида реакціи, и пассивной и активной. Пассивная реакція выразилась въ двухъ противоположныхъ полюсахъ русскаго народа: въ боярствѣ и въ крестьянствѣ. Въ чемъ же *выразилась* эта реакція? — естественно спроситъ читатель автора. Предвидя невозможность обойти отнѣтъ на этотъ вопросъ — авторъ выходитъ изъ затрудненія весьма простымъ способомъ: онъ отдѣливается нѣсколькими общими, безсодержательными фразами, — на ли-

шенными впрочемъ риторическихъ красота, хотя и не дѣлающими чести историческимъ знаніямъ автора. Приведемъ дословно отвѣтъ автора:

„Пассивные протестанты изъ того и другаго саса—убѣгаютъ отъ тягостей Петровыхъ „новшествъ“, но тѣ и другіе бѣгутъ разное, безъ общаго плана, безъ ясно сознаваемой мысли. Крестьяне убѣгаютъ въ дѣйствительности, бояре убѣгаютъ въ переносномъ смыслѣ (!), углубляются мысленно въ самихъ себя (?). Крестьяне убѣгаютъ или на Волгу, на „широкое раздолье“, въ степь, въ „мать—тихую пустыню“, или зарубежные дѣла литовскіе; бояре убѣгаютъ своими воспоминаніями и мечтами въ московскую, до-Петровскую Русь, или въ заморскія страны, стремясь найти идеалы лучшаго существованія въ прошломъ родной страны, или въ современномъ положеніи сосѣднихъ государствъ“.

Что означаетъ эта художественная тирада изъ введенія въ книгѣ Д. А. Корсакова? Характеристику пассивной реакціи противъ „новшествъ“ при жизни самаго преобразователя? Позволю себѣ усумниться въ томъ и завѣрить автора, что читатель, мало мальски знакомый съ русской исторіею, станетъ невольно изъ туникъ: гдѣ же нашелъ здѣсь авторъ реакціи противъ *Петровскихъ реформъ*? Развѣ до Петра I-го крестьяне не убѣгали на Волгу, „на широкое раздолье, и въ „мать—тихую пустыню“? Побѣги эти были дѣйствительно выраженіемъ реакціи крестьянъ, но не противъ Петровскихъ реформъ, а противъ развивающагося крѣпостнаго права. Время особеннаго усиленія этого характернаго для второй половины XVII вѣка явленія—начинается съ изданія Уложенія 1649 г., которымъ отмѣнены были такъ называемыя урочныя дѣла; въ исторіи русскаго крестьянства вся вторая половина XVII вѣка наполнена свидѣтельствами о хроническомъ бѣгствѣ крестьянъ въ украинные города, на Волжскія низовья, на Донъ и въ Сибирь, и о борьбѣ съ этимъ явленіемъ правительства Московскаго. Излюбленный авторомъ XVIII вѣка лишь унаследовалъ это явленіе отъ Руси Московской. При чемъ же тутъ Петровскія реформы и „пассивная“ реакція противъ нихъ крестьянства? Ясно, что автора выдаю здѣсь головою нѣкое „знакомство съ внутреннимъ состояніемъ Московскаго государства и такимъ классическимъ произведеніемъ, каковыя являются „Крестьяне на Руси“ покой-

наго И. Д. Бѣльева. Вторымъ выраженіемъ пассивной реакціи противъ Петровскихъ реформъ является, по мнѣнію автора, „бѣгство въ переносномъ смыслѣ“ мечтами и воспоминаніями въ до—Петровскую Русь высшаго слоя русского народа — боярства. Чтобы доказать безсодержательность этого положенія и совершенное отсутствіе въ немъ чертъ, характерныхъ для „пассивной реакціи“ автора—я позволю себѣ перемѣнить въ относящемся сюда текстѣ книги г. Корсакова всего два слова и прочесть его слѣдующимъ образомъ: „...бояре убѣгаютъ своими воспоминаніями и мечтами въ удальное, въ до-Московскую Русь, или въ заморскія страны, стремясь пайти идеалы лучшаго существованія въ прошломъ родной страны или въ современномъ положеніи сосѣднихъ государствъ“. Узнаетъ ли авторъ въ приведенныхъ словахъ его собственнаго текста, съ перемѣной двухъ словъ, характеристику стремленій Московскаго боярства XVI-го вѣка, временъ Берсены-Беклемишева и Феодора Жаренаго, слыхомъ храбро „убыгавшихъ воспоминаніями“ въ прошлое родной страны? Припомнится-ли ему кровавая борьба Грознаго царя съ такими же „убыганіями“ боярства? Припомнится ли ему событія, сопровождавшія воцареніе Годунова, Шуйскаго и Михаила Феодоровича и призванія на престолъ Владислава (о которыхъ ниже будетъ говорено подробно)? Затронувъ разъ вопросъ объ отношеніи русскаго общества къ Петровскимъ реформамъ, автору не лишнее было бы серьезнѣе отнестись къ этому вопросу, выяснить въ краткихъ чертахъ *характерныя* явленія отрицательнаго отношенія къ нимъ различныхъ слоевъ русскаго народа—и боярства, и служилыхъ людей низшихъ разрядовъ, и духовенства, и посадскихъ людей, и крестьянъ, не забыть и отношенія къ нимъ раскола и дать всему этому матеріалу приличную и научную аргументацію, а не отдѣловаться общими фразами. Авторъ возразитъ намъ, что подобная работа отвлекла бы его слишкомъ далеко отъ основной темы сочиненія и потребовала бы слишкомъ много времени. На первое мы отвѣтимъ, что хотя авторъ и признаетъ свой трудъ только „этюдомъ“, тѣмъ не менѣе этотъ „этюдъ“—историческое изслѣдованіе, рассчитанное на приобретеніе высшей ученой степени, а весьма позволительно усумниться въ возможности научной разработки извѣстнаго историческаго событія, отрывавъ его отъ предшествовавшаго хода историческаго

жизни народа. На второе мы ответимъ, что вопросъ объ отношеніи русскаго общества къ Петровскимъ реформамъ — вопросъ не открытый въ русской исторической наукѣ и что специалисту - историкѣ, потребовалось бы не особенно большой затраты времени на собраніе и обработку существующаго для этого вопроса матеріала, хотя конечно изложение его и потребовало бы нѣсколько страницъ, вмѣсто полуторы странички, посвященной ему авторомъ. Не менѣе бойко разрѣшаетъ авторъ и вопросъ объ активной реакціи противъ Петровскихъ реформъ, наступившей послѣ смерти преобразователя. Выразителемъ этого протеста (этимъ терминомъ замѣняетъ теперь авторъ слово „активная реакція“) является высшій слой русскаго народа—„который всего болѣе былъ придавленъ реформой (?)—родословные люди“. Протестъ этотъ, какъ вытекаетъ изъ словъ автора, сводится къ тому, что родословные люди „возстаютъ и противъ новыхъ русскихъ людей, выдвинутыхъ реформой, и противъ иностранцевъ, явившихся къ намъ въ обилие во время реформы. И тѣ и другіе даютъ отпоръ: возникаетъ двойная борьба—общественная и національная“. Если при изложеніи вопроса о „пассивной“ реакціи (замѣтимъ кстати, что своею игрою словами *пассивная* и *активная* реакція—авторъ наводитъ на мысль, что ему не вполне сознательнымъ представляется истинное значеніе этихъ словъ) авторъ выказалъ неосновательное знакомство съ исторією до-Петровской Руси, то теперь, при изложеніи вопроса объ „активной“ реакціи—онъ выказываетъ малое знакомство съ вопросомъ о Петровскихъ реформахъ, объ отношеніи ихъ къ жизни русскаго народа и весьма отсталый взглядъ на самое значеніе исторіи, какъ науки. Кто изъ лицъ, мало мальски знакомыхъ съ русскою исторією, не—слово повѣрить г. Корсакову, что выразителемъ протеста противъ Петровскихъ реформъ является только высшій слой русскаго народа, люди родословные, и что протестъ этотъ выражается лишь въ борьбѣ съ русскими людьми, выдвинутыми реформой, и съ иностранцами? Кто не—слово повѣрить г. Корсакову, что родословные люди всего болѣе были *придавлены* реформой? Въ чемъ же наконецъ видѣтъ авторъ это „придавленіе“? Ответъ находимъ мы на стр. IX—X: дворянство не было привилегированнымъ сословіемъ, каковыя являются *недвигимыя*, у него не было никакихъ привилегій сравнительно съ другими сословіями, и

т. п. А развѣ крестьянство не было не только придавлено, но и совершенно раздавлено въ царствованіе Петра? Развѣ авторъ не знаетъ послѣдствій первой ревизіи 1719 года, разобидившей крестьянина отъ государства, утвердившей фактическія злоупотребленія помѣщичьей власти и сдѣлавшейся исходною точкою дальнѣйшаго, уже не фактическаго, а легальнаго развитія крѣпостнаго права и стѣсненія правъ крестьянства? Вообще, нельзя не согласиться къ однимъ изъ рецензентовъ книги г. Корсакова, что онъ совершенно игнорируетъ существованіе и значеніе народа въ исторіи, что, силясь вывести историческія явленія изъ дѣйствій и взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ личностей, онъ не принимаетъ слова—русскаго народа (Недѣля за 1880 г., № 23). Историческое направленіе г. Корсакова все еще не мышло—на сколько можно судить по историческимъ работамъ его за послѣдніе восемь лѣтъ—изъ заколдованнаго круга повѣствованія о достопамятныхъ событіяхъ, невольно принимая биографо-анекдотическую окраску, съ сильнымъ беллетристическимъ пошибомъ и обращаясь въ *собраніе рѣдкостей*, какъ называстъ подобное направленіе профес. К. Н. Бестужевъ—Рюминъ въ введеніи къ своей „Русской Исторіи“.

Мы разсмотрѣли попытку Д. А. Корсакова связать событие, избранное имъ предметомъ диссертациі своей, съ реформами Петра I-го и съ отношеніемъ къ нимъ русскаго общества. Мы признаемъ эту попытку совершенно неудовлетворительною и задачу автора совершенно невыполненною. Читатель безъ всякаго ущерба для ознакомленія съ событіемъ 1730 г. можетъ пропустить первыя двѣ страницы введенія и начать съ третьей страницей, гдѣ авторъ указываетъ „явленія, бывшія главнѣйшими элементами, образовавшими фактъ возмущенія (sic!) Анны Іоанновны“. Послѣдуемъ за авторомъ въ эту въ высшей степени интересную (по своему существу, а не изложенію ее въ книгѣ г. Корсакова) сторону вопроса.

Если авторъ былъ вполнѣ самостоятеленъ и оригиналенъ на первыхъ двухъ страницахъ своего введенія, то теперь онъ уже не можетъ похвалиться тѣмъ же качествомъ. Вопросъ объ историческихъ явленіяхъ, подготовившихъ событіе 1730 года—излагается имъ на основаніи статьи г. Карновича „Замислы верховниковъ и челоубитниковъ въ 1730 году“ (Отч. Зап. 1872 г., т. СХСХ). Авторъ поступаетъ при

этомъ весьма деликатно, не цитируя заимствованія тѣхъ или другихъ мыслей и взглядовъ у г. Карновича; послѣдній врядь ли поблагодарилъ бы его за неудачную переработку высказанныхъ имъ положеній.

Д. А. Корсаковъ указываетъ слѣдующія пять „явленій“, бывшихъ главнѣйшими элементами, образовавшими фактъ воцаренія Анны Иоанновны: 1) неопредѣленность престолонаслѣдія послѣ Петра Великаго, 2) личныя качества его ближайшихъ преемниковъ, 3) государственное значеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта, 4) неопредѣленность правъ шляхетскаго сословія и 5) отношенія русскихъ людей къ иностранцамъ. Разсмотримъ каждое изъ этихъ „явленій“ въ отдѣльности—въ переработкѣ автора „Воцаренія императрицы Анны Иоанновны“.

1. *Неопредѣленность престолонаслѣдія послѣ Петра Великаго*, какъ историческое условіе, подготовившее событія 1730 г.—аргументируется Д. А. Корсаковымъ крайне неудовлетворительно сравнительно съ г. Карновичемъ. Исчисливъ всѣ усложненія по престолонаслѣдію, начиная съ отстраненія царевича Алексѣя до смерти Петра II-го, авторъ невольно ставитъ читателя въ недоумѣніе: *какими же именами нутемъ* всѣ эти затрудненія и „конъюнктуры“ подготовили обстоятельства восшествія на престолъ Анны Иоанновны? Изъ указываемыхъ авторомъ отдѣльныхъ случаевъ шаткости въ престолонаслѣдіи за первое тридцатилѣтіе XVIII вѣка—лишь по отношенію къ воцаренію Екатерины I высказываетъ авторъ положеніе, что это воцареніе „служило прецедентомъ избранія государя произвольной группой высшихъ должностныхъ лицъ, по ихъ усмотрѣнію“. Нельзя не пожалѣть, что авторъ, заимствовавъ мысль г. Карновича о связи неопредѣленности въ престолонаслѣдіи съ обстоятельствами воцаренія Анны Иоанновны, не только не постарался въ своемъ ученomъ трудѣ ступить шагъ впередъ сравнительно съ журнальною статью г. Карновича, но, напротивъ, высказываетъ значительный регрессъ въ аргументаціи этого вопроса. Въ статьѣ г. Карновича читатель найдетъ весьма обстоятельное изложеніе историческаго развитія права престолонаслѣдія (хотя и трудно согласиться со всѣмъ, высказаннымъ здѣсь авторомъ), начиная съ Руси до-Петровской; здѣсь найдетъ онъ и попытку объясненія замѣчательнаго явленія двоярства Ивана и Петра Алексѣевичей, и прагматиче-

ское указаніе постепеннаго хода затемнѣнія сознанія о правѣ престолонаслѣдія со времени Петровскаго устава о наслѣдіи престола. Дочитавши статью г. Карновича до изложенія обстоятельствъ воцаренія Екатерины I—мы будемъ у самаго источника вышеприведеннаго положенія г. Корсакова; г. Карновичъ говоритъ именно, что возведеніе Меньшиковымъ Екатерины на престолъ внушило „отважнымъ передворцамъ мысль, что и впослѣдствіи, при подобныхъ обстоятельствахъ, они могутъ располагать короною, какъ распорядился уже однажды ею князь Меньшиковъ“ (ст. Карновича, стр. 214). Д. А. Корсаковъ совершенно удовлетворяется перефразировкою приведеннаго положенія—и считаетъ вопросъ о вліяніи неопредѣленности престолонаслѣдія на событія 1730 г. вполне уясненнымъ. А не мѣшало бы ему воспользоваться и дальнѣйшими соображеніями г. Карновича, въ которыхъ именно и лежитъ ключъ къ уясненію даннаго вопроса. Г. Карновичъ, высказавъ мысль, что призваніе на престолъ Анны Іоанновны было ближайшимъ послѣдствіемъ предшествовавшей неопредѣленности въ престолонаслѣдіи и доказавъ эту мысль длиннымъ рядомъ фактовъ, вполне освѣщенныхъ и поставленныхъ во взаимной связи—заявляетъ далѣе, что только благодаря этой неопредѣленности, созданной отрицательнымъ актомъ 1722 о наслѣдіи престола, сдѣлалась возможною ограниченная попытка 1730 года, такъ какъ престолъ достался Аннѣ не прямо, а черезъ руки вельможъ. При этомъ была устранена старшая дочь царя Іоанна—Екатерина, слѣдовательно, принимая корону съ нарушеніемъ правъ старшей сестры, Анна Іоанновна какъ бы входила въ добровольную сдѣлку съ своими избирателями, а послѣднимъ и представилось естественнымъ воспользоваться этимъ положеніемъ дѣлъ для ограниченія самодержавія императрицы и для „полегчанія себѣ“, для „прибавки себѣ воли“. Такова аргументація г. Карновича; авторъ же „Воцаренія императр. Анны Іоанновны“, воспользовавшись лишь первою посылкою г. Карновича—не пошелъ далѣе сжатаго и неполнаго разсказа о различныхъ „конъюнктурахъ“, „тестаментахъ“ и „десцендентахъ“, не заботясь о какихъ либо выводахъ изъ перечисленныхъ имъ фактовъ. Да и вообще, странно видѣть, что авторъ, въ сочиненіи, имѣющемъ задачею изложеніе исторіи воцаренія извѣстнаго государя, не могъ отвести болѣе 1½ страницъ изложенію вопроса о предшествовавшихъ состояніяхъ

права престолонаслідія, хотя бы только въ эпоху ближайшую къ описываемому нмъ событію.

2. Вліяніє *личнихъ качествъ преемниковъ Петра* на подготовку событія 1730 года—мысль всецѣло заимствованная опять таки у г. Карновича (см. статью Карновича, стр. 217—218). Указавъ на суровый характеръ самодержавія Петра I и на фиктивнос самодержавіе Екатерины I и Петра II, за которыми скрывалась власть временщиковъ—г. Карновичъ дѣлаетъ заключеніе, что правленіе двухъ послѣднихъ государей должно было, при сравненіи съ характеромъ власти Петра Великаго—сильно ослабить сложившееся при послѣднемъ понятіе самодержавія, что ни для кого не могло быть скрыто, что между государемъ и государствомъ стояли въ эти царствованія могучіе временщики, бывшіе фактическими похитителями самодержавія. Отсюда не трудно сдѣлать выводъ, что верховникамъ 1730 года было весьма желательно сдѣлать свою несобольшую коллегію уже не фактическими, но легальными похитителями самодержавія возведенной ими самими на престолъ государыни. Такова аргументація г. Карновича. Что же даетъ намъ взамѣнъ этого г. Корсаковъ? Начавъ, подобно первому, съ характеристики самодержавія Петра Великаго, г. Корсаковъ сообщаетъ школьныя фразы о томъ что Петръ „могъ всегда служить русскимъ людямъ образцомъ трудолюбія и подвижника на престолѣ“, что „немногіе изъ его современниковъ—подданныхъ оцѣнили его съ этой стороны“, что „для большинства онъ былъ источникомъ тяготы неудобоносимой“, но что „и для этого большинства онъ являлся съ ореоломъ славы и величія“ (такъ и кажется что читаешь старый учебникъ русской исторіи)—и думаетъ, что, этими не идущими даже къ дѣлу фразами, вполне выяснилъ читателю сущность самодержавія цара—преобразователя. Далѣе сообщается, что Екатерина I—„была женщина добрая и даже умная, но необладавшая широкимъ государственнымъ умомъ“, а Петръ II—„былъ ребенокъ, личность котораго не могла опредѣлиться вполне“. Дѣлая отсюда заключеніе о фиктивномъ самодержавіи послѣднихъ двухъ государей, авторъ вскользь упоминаетъ о фактическомъ правительствѣ „прегордаго Голицева“ кн. Меншикова и изъ всего этого матеріала (мы привели его почти дословно) дѣлаетъ заключеніе, что „при такомъ положеніи дѣлъ въ умѣхъ людей родословныхъ, отъ ихъ потомковъ „думныхъ, царей Мос-

юсских (?) являлась мысль о томъ, что они имѣютъ болѣе право на офиціальное участіе въ управленіи страной, чѣмъ имѣть это право выскочка—проженикъ, лукаво прикрывавшійся самодержавіемъ женщины и ребенка; была мысль ограничить власть Екатерины I-й сенатомъ (замѣтимъ, что не мѣшало бы сказать объ этомъ и подробнѣе). Изъ только что приведенной выписки изъ книги Д. А. Корсакова подчеркнуты нами слова: „этихъ потомковъ думцевъ царей Московскихъ“. Что означаетъ эта вставка? Сомнѣваясь въ томъ, что-бы г. Корсаковъ ввелъ эту фразу для округленія текста или для введенія въ него лишней строки, понимаемъ ее въ томъ смыслѣ, что мысль объ участіи въ управленіи страной являлась въ умахъ людей родословныхъ между прочимъ потому, что они были потомками членовъ Боярской Думы предшествовавшаго періода. Иначе понять этой вставки нельзя. А если такъ, зачѣмъ же авторъ не развилъ этой мысли подробнѣе, зачѣмъ не переступилъ онъ за рубежъ XVIII вѣка, въ очевидно непопулярную имъ Московскую Русь и не показалъ намъ, каковы были тенденціи и политическія стремленія Московскаго боярства, въ какомъ отношеніи стояли эти „думцы“, предки будущихъ родословныхъ людей XVIII вѣка, къ царскому самодержавію и т. п.? Если бы Д. А. Корсаковъ не заключилъ себя въ заколдованный кругъ одного десятилѣтія, изъ котораго лишь робко и съ опаскою заглядываетъ въ глубь временъ предшествующихъ—безъ сомнѣнія значительно расширился бы и историческій кругозоръ автора „Возаренія импер. Анны Іоанновны“.

3. Третье историческое условіе, подготовившее событіе 1730 года—приурочиваетъ Д. А. Корсаковъ къ государственному значенію *Верховнаго Тайнаго Совѣта*.

Слѣдуя порядку изложенія этого вопроса въ статьѣ г. Карновича (стр. 219—224), г. Корсаковъ начинаетъ съ вопроса о введеніи Петромъ I коллегіальнаго порядка управленія, указываетъ далѣе на значеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта какъ верховной коллегіи, возникшей въ 1726 году, и на отношенія, въ которыя стало это новое учрежденіе къ самодержавной власти Екатерины I,—отношенія, при которыхъ оно упрочило за собою высшую правительственную власть, власть на столько значительную, что революціи, подписанныя членами В. Т. Совѣта, получали силу высочайшаго указа и

что въ самой формулѣ присяги членовъ В. Т. Совѣта и сенаторовъ императрица не имѣла титула самодержицы. Вся эта часть изложенія г. Корсакова не представляетъ ничего новаго сравнительно съ статеею г. Карповича; у послѣдняго она изложена даже подробнѣе и обстоятельнѣе. Далѣе Д. А. Корсаковъ, вслѣдъ за г. Карповичемъ, силится очистить Верховный Тайный Совѣтъ отъ обвиненія въ олигархическихъ замыслахъ, заявляя, что онъ задавался широкимъ планомъ „поправленія внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“, одушевляясь при этомъ „мыслью объ общемъ благѣ“. Преслѣдуя подобную задачу, Д. А. Корсаковъ приводитъ цѣлый рядъ мѣропріятій В. Т. Совѣта, яко-бы несовѣстныхъ съ олигархическимъ характеромъ этого учрежденія; указываетъ на заботы Совѣта объ улучшеніи финансовъ и экономическихъ и промышленно-торговыхъ условій страны, замѣчая однако при этомъ, что вся тяжесть финансовыхъ сборовъ падала на крестьянство, почему В. Т. Совѣтъ „особенно заботится объ улучшеніи участи крестьянъ именно съ финансовой, экономической стороны“; указываетъ на мѣропріятія къ облегченію крестьянамъ платежа подушныхъ денегъ, на мѣропріятія къ расширенію торговли, къ составленію новаго Уложенія и т. п. Основываясь на подобнаго рода доводахъ, г. Корсаковъ смѣло и авторитетно утверждаетъ, что представленіе о В. Т. Совѣтѣ, какъ о *сборницѣ олигарховъ*—„неверно“. Очевидно авторъ „Воцаренія имп. Анны Іоанновны“ воображаетъ, что писатели, обвиняющіе верховниковъ въ олигархическихъ стремленіяхъ,—отождествляютъ эти стремленія съ инстинктами разбойниковъ и грабителей. Верховники не были таковыми—слѣдовательно они не олигархи,—такъ и напрашивается подобное заключеніе изъ всѣхъ доводовъ г. Корсакова. Писатели, обвиняющіе верховниковъ въ олигархическихъ стремленіяхъ, писатели весьма серьезные и авторитетные, оспариваніе мнѣнія которыхъ требуетъ болѣе основательной аргументаціи нежели та, въ которой прибѣгаетъ г. Карповичъ, а за нимъ и г. Корсаковъ (укажемъ наприимѣръ почтенные въ наукѣ имена профес. Градовскаго и Романовича-Славянскаго)—конечно не отождествляютъ олигархическія стремленія верховниковъ съ разбойническими инстинктами, но называютъ стремленія верховниковъ олигархическими въ видахъ того, что люди эти, движимые своими личными интересами, желали въ маломъ числѣ узурпи-

ровать самодержавіе, стать непреодолимою преградою между государемъ и государствомъ и, заменившись въ своемъ тѣсномъ кружкѣ, въ сущности лично въ себѣ сосредоточить все правительство. Все это совершалось прежде всего въ интересахъ *сословныхъ*, скажемъ даже болѣе того—*фамильныхъ*, а разъ эти послѣдніе были достигнуты, конечно странно и даже невозможно было бы со стороны верховниковъ не подумать и объ обще-государственныхъ интересахъ. Верховники захватывали власть для того, что-бы держать въ своихъ рукахъ все управленіе государствомъ, что-бы стоять у рычага государственной машины, управляя ею по своему усмотрѣнію и не стѣсняясь никакими другими элементами, а не для того лишь, что-бы угнетать и грабить народъ. Ёсть, пить и веселиться, какъ очевидно понимаетъ г. Корсаковъ обвиненіе верховниковъ въ олигархическихъ замыслахъ. Если бы г. Корсаковъ не держался слишкомъ слѣпо мыслей, высказанныхъ г. Карновичемъ, и расширилъ кругъ литературныхъ пособій при разработкѣ избранной темы—ему не миновать бы почтеннаго труда проф. Градовскаго: „Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генераль-прокуроры“, въ IV-й главѣ котораго напелъ бы г. Корсаковъ не мало любопытныхъ соображеній объ историческомъ значеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта, которыя расширили бы, повидимому смутныя, представленія о томъ же предметѣ автора „Водаренія имп. Анны Іоанновны“. А что представленія эти весьма смутны, видно уже изъ того, что авторъ, задавшись цѣлью рассмотреть вліяніе государственнаго значенія В. Т. Совѣта на событія водаренія Анны Іоанновны—въ сущности даже и не выполняетъ этой задачи. Изъ изложенія автора читатель узнаетъ, что В. Т. Совѣтъ возникъ будто бы изъ желанія родословныхъ людей противопоставить „единой персонѣ, претисполненной страсти“—верховную коллегію (замѣтимъ кстати, что г. Корсаковъ жестоко заблуждается, думая будто учрежденіе В. Т. Совѣта—есть расширеніе введеннаго Петромъ коллегіальнаго порядка управленія: напротивъ, любимая задача В. Т. Совѣта—водворить господство стараго личнаго начала, ослабленнаго Петровскими коллегіями); будетъ удивляться въ отсутствіи у верховниковъ олигархическихъ стремленій, узнаетъ что В. Т. Совѣтъ все болѣе и болѣе расширялъ свою власть—но не узнаетъ главнаго: *какимъ образомъ* государственное значеніе этого учрежденія послужило подготовкою со-

бытіи 1730 года. Здѣсь авторъ, или не договариваетъ своихъ мыслей, или же опасается сдѣлать общій выводъ (нельзя же стѣснять за таковой выписку на стр. VIII изъ донесенія франц. резидента Компредона). Читателю остается или самому догадываться, какой выводъ слѣдуетъ изъ фактовъ приводимыхъ г. Корсаковымъ, или же обратиться за разъясненіемъ къ другому автору. Порекомендуемъ ему послѣднее и посоветуемъ обратиться къ упомянутому выше труду проф. Градовскаго. Здѣсь читатель увидитъ, что самое учрежденіе Верх. Тайнаго Совѣта—не просуществовавшаго и пяти лѣтъ—было въ сущности не столько реформою высшаго государственнаго управленія, сколько неожиданнымъ государственнымъ переворотомъ, произведеннымъ въ интересахъ высшихъ военныхъ чиновъ и людей родословныхъ. Ни военный элементъ, ни люди родословные—не симпатизировали Петровскому сенату, стоявшему во главѣ государственнаго управленія. Первые видѣли въ немъ необходимость подчиненія военнаго начала гражданскому; вторые сознавали, что происхождение ихъ отнынѣ уже безсильно открыто для нихъ доступъ въ чисто сенаторовъ, какъ открывало оно большинству ихъ предковъ доступъ въ старую Думу Боярскую (такъ какъ чинъ боярина и окольничаго былъ наследственнымъ въ родѣ многихъ служилыхъ людей, а чины эти давали званіе членовъ Думы), слѣдовательно лишало ихъ возможности вліять на государственныя дѣла, затирало ихъ передъ случайно возвысившимися родами и осуждало на скорое захудѣніе. Въ сенатѣ господствовалъ принципъ чина, въ связи съ личною заслугою, съ исключеніемъ принципа рода; между званіемъ сенатора и родословными людьми стала ненавистная послѣднимъ Петровская табель о рангахъ.

Понятно, что старо-боярской партіи весьма желательно было воскресить нѣчто подобное прежней Боярской Думѣ—и это желаніе нашло выходъ въ учрежденіи Верх. Тайнаго Совѣта. Но этотъ В. Т. Совѣтъ выразилъ въ себѣ родовой принципъ въ такой сильной степени, до какой никогда не достигалъ онъ въ Думѣ Боярской, которая никогда не была учрежденіемъ корпоративно-замкнутымъ, которая была учрежденіемъ только совѣщательнымъ и гдѣ родовой элементъ былъ значительно умирненъ элементомъ личной заслуги; можно смѣло сказать, что В. Т. Совѣтъ,—съ своимъ стремленіемъ къ замкнутости и съ своимъ постепеннымъ усиливавшимся зна-

ченіемъ, которое давало ему власть почти равную царской, —превзошелъ самыя смѣлыя мечты Московскаго боярства, явился квинтъ-эссенціею боярскихъ тенденцій XVI—XVII вѣковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ унижено было значеніе Сената, который обратился изъ „правительствующаго“ въ „высокій“, потерялъ право непосредственнаго доклада государынь, помимо В. Т. Совѣта, и сталъ получать отъ послѣдняго указы и писать ему доношенія; вмѣстѣ съ тѣмъ В. Т. Совѣтъ присвоилъ себѣ даже право назначать членовъ Сената изъ кандидатовъ, представляемыхъ послѣднимъ—слѣдов. получилъ вліяніе и на личный составъ сенаторовъ. Уже вскорѣ послѣ паденія Меньшикова военный элементъ потерялъ значеніе въ В. Т. Совѣтѣ; преобладаніе получаютъ здѣсь люди родословные, которые преслѣдуютъ цѣли олигархическія, доводящія ихъ до желанія уничтожить и безъ того фактивно существовавшее при Екаторѣ I и Петрѣ II самодержавіе—и эти замыслы, встрѣтивъ отпоръ въ массѣ шляхетства, помыслили за собою уничтоженіе этого тенденціознаго учрежденія.

Теперь понятно будетъ, почему лица, задумавшія учредить въ Россіи Верх. Тайный Совѣтъ, выполняли дѣло это тайно, крадучись, какъ-бы совершая воровское дѣло,—какъ впоследствии украдкою, подъ сурдинку, замыслили верховники и ограниченіе самодержавія Анны Іоанновны; извѣстно, что Сенатъ отказывался даже принять указы объ учрежденіи В. Т. Совѣта—до такой степени неожиданъ и неподготовленъ былъ этотъ, въ полномъ смыслѣ слова, государственный переворотъ. Только имѣя въ виду осьъ указанныя обстоятельства можно понять, какими образомъ учрежденіе В. Т. Совѣта было актомъ подготовительнымъ къ событію 1730-года: въ этомъ учрежденіи нашли себѣ выходъ олигархическія стремленія родословныхъ людей, это учрежденіе дало имъ возможность сплотиться, стать во главѣ государственнаго управленія, подчинивъ власти своей даже Сенатъ—а отсюда только одинъ шагъ до обстоятельствъ, которыми сопровождалось воцареніе Анны Іоанновны.

4) *Неопредѣленность правъ шляхетскаго сословія*—является въ книгѣ Д. А. Корсакова четвертымъ историческимъ условіемъ, подготовившимъ, какъ выражается авторъ,—„фактъ воцаренія Анны Іоанновны“. Вліяніе этого условія—не новость въ русской исторической литературѣ; смѣ въ 1872 г.

указано и развито было оно въ цитированной выше статьѣ г. Карновича, откуда очевидно и заимствовано г. Корсаковымъ. Вслѣдъ за г. Карновичемъ, авторъ „Воцаренія имп. Анны Іоанновны“ рисуетъ мрачную картину внутренняго состоянія русскаго шляхетскаго сословія въ первую половину XVIII вѣка, говорить о „почти полномъ отсутствіи правъ“ у этого сословія, на которомъ лежала „весьма тяжелая обязанность—постоянной службы государству“, и которое заставляли учиться,—„а служба и науки не легко дались шляхетству“, которое хотя и пользовалось нѣкоторыми весьма важными льготами (напр. освобожденіемъ отъ ревизій, подушной подати, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ чытенъ и изв. льготами въ торговлѣ)—„по всѣ остальные натуральныя и денежныя повинности оно несло наравнѣ съ другими сословіями“ и т. п., и наконецъ проводитъ паралель между шляхти чѣмъ первой половины XVIII-го вѣка и служилымъ челоѣкомъ Московскаго государства, отдавая очевидное предпочтеніе условіямъ жизни послѣдняго. Резюмируя все сказанное по этому поводу г. Корсаковымъ, мы выразимъ мысль его въ краткихъ словахъ: шляхетство съ грустью воспоминало „привольное житье дворянъ и дѣтей боярскихъ въ своихъ деревняхъ“ и, не имѣя никакихъ почти правъ — было недовольно настоящимъ порядкомъ вещей. По своему обыкновенію авторъ и при разсмотрѣніи вліянія внутреннихъ условій быта шляхетства на событія 1730 г.—избѣгаетъ ясно формулировавшаго вывода изъ своего изложенія; на этотъ разъ выводъ ясно вытекаетъ изъ всего изложенія и мы его сформулируемъ: шляхетство видѣло въ перемѣнѣ образа правленія возможность выхода изъ своего положенія. Опуская пока вопросъ о томъ, на сколько положеніе московскихъ служилыхъ людей было привольнѣе и краше положенія шляхетства первой половины XVIII-го столѣтія—предложимъ автору лишь слѣдующій вопросъ: было-ли шляхетство, по крайней мѣрѣ въ массѣ своей и за исключеніемъ нѣсколькихъ передовыхъ личностей, выдавшихся изъ общей массы индивидуальными условіями своего духовнаго развитія и социальнаго положенія, проникнуто сознаніемъ необходимости перемѣны формъ правленія и шло-ли оно сознательно къ достиженію подобной дѣли? Нельзя не замѣтить во всѣхъ главахъ „Воцаренія имп. Анны Іоанновны“ лавированія автора между Сциллой и Харибдой, представляющими разрѣшеніемъ этого вопроса.

Рѣшить вопросъ этотъ въ положительномъ смыслѣ казалось автору опаснымъ, такъ какъ приписаніе малограмотной массѣ русскаго шляхетства первой половины XVIII стол. какихъ то ясно сознаваемыхъ и дѣятельно преслѣдуемыхъ политическихъ идеаловъ—было бы слишкомъ смѣло съ точки зрѣнія неутомимой исторической критикѣ. Рѣшить же вопросъ этотъ въ смыслѣ отрицательномъ—не позволяла автору самая постановка имъ вопроса, избраннаго для диссертациі. Шляхетское движеніе явилось важнѣйшимъ факторомъ событій 1730 года—и авторъ, игнорирующій Русь до-Петровскую и выводящій историческія причины этого событія изъ условій лишь современной событію государственной и общественной жизни, не могъ конечно совершенно отказать шляхетству въ какихъ то реформаторскихъ политическихъ стремленіяхъ. Этимъ только и объясняемъ мы приписываніе авторомъ „русскому шляхетству первой половины XVIII вѣка“ какихъ то „политическихъ *умоначертаній*“, будто бы выразившихся въ подданныхъ отъ имени шляхетства двѣнадцати проектахъ и мнѣніяхъ, заявленіе автора о томъ, что всѣ разнообразныя элементы шляхетства проникнуты были „сознаніемъ необходимости расширить кругъ государственныхъ реформъ“, указаніе на „различныя направленія“, на большинство и меньшинство и т. п. предположенія автора, прилагаемыя къ разбросанному, некорпоративному и безформенному государственному элементу, какимъ являлось русское шляхетство первой половины XVIII-го столѣтія (см. стр. 104, 147 - 149)! Съ другой стороны, на стр. 89-й, авторъ самъ же заявляетъ о невозможности „опредѣлить съ точностью кружки, на которые распадалось шляхетство, и выяснить политическія идеалы этихъ кружковъ“, а на стр. 90-й съ полнымъ убѣжденіемъ заявляетъ, что „тѣсно стали бы мы искать у него (русскаго шляхетства 1730 г.) ясно сознаваемыхъ политическихъ идеаловъ.“ Какъ же примирить это положеніе автора съ его же заявленіемъ о „политическихъ *умоначертаніяхъ*“, „направленіяхъ“ и „сознаніи необходимости расширенія круга государственныхъ реформъ“, приписываемыхъ имъ на стр. 147—149 тому же шляхетству? Мы лично принимаемъ на себя смѣлость безусловно отвергнуть мысль о новыхъ, отличныхъ отъ XVII-го вѣка, политическихъ идеалахъ русскаго шляхетства. (такъ какъ имъ не рѣшилось стать политическими идеалами сословія *via desideria esse*

го шляхетства, какъ то: приобретёніе себѣ исключительнаго положенія, финансовыхъ и служебныхъ льготъ, развитіе крѣпостнаго права и т. п.), о существованіи въ массѣ шляхетства какихъ то политическихъ направленій и уноначертаній и т. п.,—и выскажетъ наше убѣжденіе, что поданные въ В. Т. Совѣтъ проекты и мнѣнія не только не выражаютъ собою „политическихъ уноначертаній“ русскаго шляхетства первой половины XVIII вѣка (какъ слишкомъ рѣшительно заявляетъ это авторъ на стр. 147) (1), но не выражаютъ собою даже политическихъ убѣжденій лицъ, подъ ними подписавшихся. Дѣйствительно, челобитныя и проекты 1730 года возникли не самостоятельнымъ путемъ, не сами собою, но были лишь реакціею противъ олигархическихъ замысловъ верховниковъ; не будь этихъ замысловъ—не было бы конечно и этихъ челобитій и проектовъ. Прекрасно очерчиваетъ Теофанъ Прокоповичъ характеръ этого движенія, направленнаго противъ верховниковъ: „Жалостное же вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе. Куда ни придешь, къ какому собранію ни пристанешь, не иначе что было слышать, только горестныя нареканія на осмиричныхъ оныхъ затѣйщиковъ: всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное дерзновеніе, несытое лакомство и властолюбіе. И вездѣ въ одну, почитай, рѣчь говорено, что если по желанію оныхъ господъ сдѣлается (отъ чего сохранилъ бы Богъ),—то крайне всему отечеству настонѣтъ бѣдство“. Верховники не могли не предвидѣть, что замыслы ихъ встрѣтятъ прорыводѣйствіе со стороны низшей братии ихъ—шляхетства. Этимиъ объясняется таинственность, въ которую облачаютъ они свои предположенія объ ограниченіи власти по-

(1) Д. А. Корсаковъ утверждаетъ, что всѣ проекты и мнѣнія подаными 1100 лицами. Какое же основаніе имѣетъ г. Корсаковъ отнестись политическіе идеалы ихъ (если бы таковыя и выражались) съ политическими идеалами всего русскаго шляхетства первой полов. XVIII-го вѣка? Эти 1100 человекъ не были представителями шляхетства, элитой, а не были представителями его идеаловъ и интересовъ. Огромное большинство русскаго шляхетства было раскинуто по различнымъ областямъ государства, или отбыло службу, или проживало въ своихъ имѣніяхъ, и ничѣмъ не обнаруживало своихъ политическихъ стремленій, а тѣмъ не менѣе, умолчаливо поддерживало шляхетское движеніе. 4730 1730-го года въ Москвѣ и въ некоторыхъ провинціяхъ имѣлось 11000

вой императрицы и принятіе строгихъ мѣръ къ пресѣченію возможности современнаго извѣщенія Анны Ивановны о томъ, что посланные ей къ подписанію пункты составляютъ „воровскую“ (какъ сказали бы въ XVI-мъ вѣкѣ) затѣйку послами „персонъ“—членовъ В. Т. Совѣта—а не являются актомъ воли всенародной. Этихъ объясняются приготовительными мѣрами верховниковъ къ засѣданію 3-го февраля, въ которомъ должны были быть провозглашены письмо императрицы и подписанныя ею ограничительныя условія; весь кремлевскій дворецъ, гдѣ должно было произойти это провозглашеніе, быть окруженъ войсками, которыми были даже разставлены по всѣмъ внутреннимъ переходамъ дворца, такъ какъ верховники опасались движенія противъ нихъ. Вотъ какъ относилось даже именитое и чиновное шляхетство, приглашенное въ засѣданіе 3-го февраля, къ „затѣйкѣ“ верховниковъ. И верховники имѣли полное основаніе опасаться всеобщаго противъ нихъ возбужденія: въ средѣ возмущеннаго шляхетства раздавались голоса, предлагавшіе напасть на верховниковъ, избить ихъ и вмѣстѣ съ ними въ самомъ корнѣ уничтожить ихъ затѣйку. Другіе голоса, болѣе умѣренные, предлагали дать понять верховникамъ, что „затѣйки ихъ не тайны,— всѣмъ извѣстно, что они строятъ“ и заявить имъ, что они не уполномочены перестраивать государственный строй. Устрашенные верховники поняли, что они затѣяли опасную игру: они предлагаютъ „синоду, сенату, генералитету и шляхетству“ представить отъ себя проекты будущаго государственнаго строя; это предложеніе явилось отвѣтомъ на жгучій вопросъ, поставленный въ засѣданіи 3-го февраля верховникамъ: „какимъ образомъ впредь то правленіе быть имѣетъ?“ Таково происхожденіе шляхетскихъ проектовъ, въ которыхъ мы отказываемся видѣть самостоятельное проявленіе какихъ то мнѣческихъ „политическихъ умоначертаній“ русскаго шляхетства первой полов. XVIII-го вѣка“, а просто видимъ средство обузданія грозящей олигархіи В. Т. Совѣта. И въ самомъ дѣлѣ, что иное могли предпринять противники верховниковъ, если не принимать въ соображеніе кроваваго проекта поголовнаго избіенія ихъ, какъ не противопоставить ихъ „необычному деразновесію“ предположенія болѣе умѣреннаго характера? Дѣло верховниковъ казалось выиграннымъ: въ рукахъ В. Т. Совѣта находились подписанныя императрицею пункты. И вотъ противники верховниковъ предлагаютъ

нимъ свои мѣнія и проекты—какъ противобѣсь олигархическимъ замисламъ ихъ. Д. А. Корсаковъ весьма вѣрно подмѣчаетъ тотъ фактъ, что всѣ проекты избѣгаютъ опредѣленія существа власти Анны Ивановны и ничего не говорятъ объ ограниченіи этой власти: фактъ весьма замѣчательный, несомненно свидѣтельствующій намъ о томъ, что въ средѣ шляхетства не было сознанія о необходимости ограниченія самодержавія. Напротивъ, весьма важную заботу всѣхъ шляхетскихъ проектовъ составляетъ вопросъ объ уничтоженіи В. Т. Совѣта или, по крайней мѣрѣ, о расширеніи личнаго состава его и требованіе гарантій противъ возвышенія нѣсколькихъ родовитыхъ фамилій и противъ возможности захвата высшихъ должностей членами одной и той же фамиліи. Разсматриваемые проекты не могутъ быть признаваемы, какъ уже выше замѣчено, выраженіемъ „политическихъ умозачертаній“ современнаго русскаго шляхетства; это положеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ слѣдующихъ соображеніяхъ, касающихся вопроса о происхожденіи этихъ проектовъ. Д. А. Корсаковъ, самъ опровергая этимъ нѣкоторымъ раньше высказаннымъ имъ положеніе, замѣчаетъ на стр. 191-й книги своей, что „большинство, масса участниковъ проектовъ и мѣній, какъ всякая масса, двигалась *безоцѣлительно*, куда увлекали ее вожакъ движенія. Родство, пріятельскія отношенія, молодость лѣтъ, зависимость служебная, личные отношенія къ дѣтелямъ предшествовавшихъ царствованій и къ верховникамъ—вотъ что заставляло подписывать всю эту массу“. Вполнѣ и искренно соглашаясь съ приведенными словами автора—выскажемъ наше убѣжденіе, что активная роль въ дѣлѣ составленія проектовъ принадлежала немногимъ выдающимся личностямъ изъ среды шляхетства, которые и обсуждали эти проекты въ тѣсныхъ, интимныхъ кружкахъ друзей и знакомыхъ своихъ.

Предположеніе о раздробленіи всего шляхетства на организованные кружки, съ опредѣленными политическими убѣжденіями и направленіями—легко являющееся при чтеніи книги г. Корсакова,—не имѣетъ за собою никакихъ данныхъ, ни въ современныхъ событіяхъ фактахъ, ни въ прошломъ русскаго служилаго класса, ни въ подлѣйшихъ судьбахъ русскаго дворянства. За исключеніемъ передовыхъ шляхетскихъ дѣтелей, борющихся съ верховниками и противопоставляющихъ имъ свои проекты, все остальное, входящее въ

Москвѣ, шляхетская масса—руководилась стаднымъ началомъ и покрывала своими подписями различные проекты, не давая себѣ яснаго отчета въ томъ, чему она хочетъ и что для нея нужно. На это указывать намъ и тотъ курьезный фактъ, приводимый авторомъ на стр. 151-й его книги, что многія лица по нѣсколькѣ разъ подписывались подъ разными проектами. Д. А. Корсаковъ силится объяснить этотъ фактъ спѣшностью дѣла, забывчивостью известнаго лица о подписаніи имъ раньше другаго проекта и, наконецъ, возможностью измѣненія убѣжденій. Считаемъ эти объясненія натянутыми. Какова не была-бы спѣшность въ изготовленіи проектовъ—въ высшей степени страннымъ представляется для лицъ, даже средняго умственнаго развитія, въ нѣсколько дней измѣнить свои взгляды на вещи или забыть о совершеніи ими дѣла столь важнаго, какимъ является подписаніе проекта (что было бы впрочемъ лучшимъ доказательствомъ индифферентнаго отношенія къ дѣлу массы шляхетства). А между тѣмъ число такихъ забывчивыхъ лицъ весьма велико. На основаніи втораго приложения къ книгѣ г. Корсакова высчитали мы, что изъ 515 лицъ, подписавшихъ проекты №№ I—VIII,—183 лица, т. е. болѣе одной трети, подписались подъ различными проектами! Плохо какъ то выжутся изъ указаннымъ соображенія съ выставленнымъ авторомъ значеніемъ проектовъ, какъ „выраженіемъ политическаго умоначертанія русскаго шляхетства первой половины XVIII-го вѣка (стр. 147)“. Этотъ курьезный фактъ безпорочнаго подписанія одними и тѣми же лицами различныхъ проектовъ—объясняемъ мы именно отсутствіемъ въ массѣ шляхетства сознанія необходимости измѣненій государственнаго строя и индифферентнымъ отношеніемъ къ самимъ проектамъ. Противники верховниковъ какъ щитомъ прикрывались массою шляхетскихъ подписей въ своей борьбѣ съ ихъ „затѣйками“, и каждый составитель проекта старался заручиться какъ можно большимъ числомъ подписей, пользуясь съ этою цѣлью отношеніями дружбы, родства, знакомства, служебнымъ вліяніемъ и наконецъ своимъ авторитетомъ. Сегодня пріятель подслушалъ проектъ—надо его подписать; завтра предлагаетъ подписать проектъ начальнику или лицу, отказать которому неудобно; по личнымъ или officialнымъ отношеніямъ—подписывается „другой“ проектъ; и т. д. и т. д. Такимъ образомъ, „не идущимъ далѣе зачатка страсти“ или

оружія въ борьбѣ съ верховниками, и этимъ то отсутствіемъ въ средѣ шляхетства извѣстныхъ политическихъ „умоначертаній“ и сознанія необходимости переменъ существующаго образа правленія—и объясняется въ нашихъ глазахъ та простота и легкость, съ какими шляхетство, за нѣсколько дней до того подписавшееся подъ различными проектами, яко-бы выражавшими ихъ „политическое умоначертаніе“, 25-го февраля 1730 года, увидѣвъ что поколебалась почва подъ ногами верховниковъ и получивъ отъ императрицы намекъ на то; чего собственно она желаетъ (см. стр. 274 книги г. Корсакова) — не задумалось поднести Аннѣ Ивановнѣ полное „самодержавіе, каково ея славные и достохвалныя предки имѣли“, забывъ сдѣлавшіеся теперь излишними всѣ подписанные имъ мнѣнія и проекты. Одного только просили они при этомъ: уничтоженія Верховнаго Тайнаго Совѣта и восстановленія Петровскаго Сената, что и было императрицею исполнено. Подъ челобитъей о принятіи самодержавія подписалось 166 человекъ,—изъ нихъ 103 лица, подписи которыхъ мыѣлись на предыдущихъ мнѣніяхъ и проектахъ.

Что касается затѣмъ попытки Д. А. Корсакова провести параллель между условіями жизни служилыхъ людей Московскаго государства съ условіями жизни русскаго шляхетства первой половины XVIII-го вѣка (вопросъ дѣйствительно интересный и заслуживающій вниманія со стороны русскіхъ историковъ)—то она во всякомъ случаѣ попытка болѣе нежели неудачная и остается только удивляться, какъ ухитрился авторъ, на двухъ страничкахъ своего сочиненія (стр. IX и X) такимъ блистательнымъ образомъ выказать свое незнакомство съ внутреннимъ бытомъ Московскаго государства. Мы не имѣемъ въ настоящую минуту ни времени, ни желанія, выполнять задачу, которою занялся было себѣ авторъ въ отношеніи только что указаннаго вопроса. Отмѣтимъ только заблужденія автора, явившіяся результатомъ слабаго знакомства его съ внутреннимъ бытомъ русскаго государства въ предшествовавшемъ періодѣ. Въ Московскомъ государствѣ, говоритъ авторъ, служилые люди не составляли сословія, въ нихъ не было корпоративнаго единства. „А развѣ въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія шляхетство имѣло корпоративное единство, спросимъ мы автора? Если онъ не знаетъ, что шляхетство имѣло это—затѣмъ не упомянулъ онъ объ этомъ и не развилъ своей мысли настолько обстоятельно, что-бы

читателю представлялось, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь яснымъ,—какое различіе усматривать авторъ въ этомъ отношеніи между служилымъ классомъ XVII стол. и шляхетствомъ первой половины XVIII-го. А то, признаться, никакъ въ толкъ не возьмешь, ради чего припутать тутъ авторъ вопросъ о некорпоративности московскаго служилого класса. Никакъ не сообразишь и того, что разумѣть здѣсь авторъ подъ понятіемъ корпоративности. Ясно, что онъ принимаетъ здѣсь понятіе „корпоративности сословія“ не въ общепринятомъ научномъ смыслѣ (въ какомъ принимаетъ его напримѣръ проф. А. В. Романовичъ—Славатинскій въ своемъ сочин. „Дворянство въ Россіи“ (глав. V-я)), т. е. не въ томъ смыслѣ, что сословіе организуется въ мѣстныхъ общества, одаренныя извѣстными правами и несущія опредѣленные обязанности; г. Корсаковъ считаетъ Московское служилое сословіе лишеннымъ корпоративнаго единства потому, что „вышніе чины не имѣли ничего общаго съ низшими“, что „ихъ раздѣляла пропасть, черезъ которую не могъ никогда переступить низшій служилый чинъ, отбывавшій натуральную служебную повинность за вознагражденіе земельнымъ надѣломъ—помѣстьемъ и вотчиной (см. начало IX-й страницы)“. Позволимъ себѣ отмѣтить автору два грубыхъ заблужденія, допущенныхъ имъ въ только что выписанныхъ пяти строчкахъ его изложенія. *Первое:* авторъ поступилъ крайне опрометчиво, заявивъ, будто низшій служилый чинъ *никогда* не могъ переступить пропасть, отдѣлявшую его отъ высшихъ чиновъ; слѣдовало сказать, что достиженіе боярства служилымъ чинамъ низшаго чина было явленіемъ исключительнымъ и рѣдкимъ, достиженіе имъ чина окольного было явленіемъ не особенно частымъ, но далеко не исключительнымъ, и что наконецъ третій чинъ, думнаго дворянина (который авторъ не исключитъ конечно изъ числа высшихъ чиновъ) — былъ совершенно доступенъ лицамъ низшихъ служилыхъ чиновъ и что производство въ этотъ чинъ обуславливалось началомъ личной заслуги, съ устраненіемъ принципа рода (!).

(!) Да прости меня авторъ, если я, употребляя различныя доказательства указаннаго мною положенія А. родая въ настоящей цѣлѣ, совпалъ съ авторомъ, изреченіемъ, — *сочиненъ*, на стр. 55—57, выража-

Второе: из словъ автора читатель можетъ заключить, будто только низшіе служилые чины отбывали натуральную служебную повинность за вознагражденіе земельнымъ надѣломъ—помѣстьемъ и вотчинной; желательно думать, что эта чудовищная ошибка—результатъ простаго недосмотра автора, такъ какъ подобной ошибки не сдѣлаетъ даже лицо, мало-мальски знакомое съ исторіею помѣстной и вотчинной системы, лежавшей въ основѣ всѣхъ служилыхъ отношеній Московскаго царства. Изъ четырехъ дальнѣйшихъ строкъ автора, слѣдующихъ за выписанными, оказывается, что авторъ отождествляетъ понятіе „думныхъ людей“ съ чинами боярина и колюничего, игнорируя думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ, а между тѣмъ ближайшее ознакомленіе автора съ послѣдними двумя чинами (третьимъ и четвертымъ въ іерархическомъ порядкѣ),—назвато бы на мысль (давно впрочемъ въ наукѣ извѣстную) о постепенномъ стремленіи къ снисченію въ личномъ составѣ Думы принципа рода введеніемъ въ него принципа чина и личной заслуги, и привело бы быть можетъ автора къ мысли о томъ, что борьба принципа чина, заслуги, съ принципомъ рода—извѣстна была и Московской Руси, что Петръ съ свойственною ему энергіею только довершилъ законодательнымъ путемъ то, что выдвигалось жизнью еще со второй половины XVI-го вѣка. Позволимъ себѣ поставить еще вопросъ: о какомъ эго „привольномъ житіи“ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ своихъ деревняхъ, въ свободное отъ походовъ время“ говоритъ авторъ, заявляя, что оно „было еще такъ памятно“ шляхетству разсматриваемой имъ эпохи (см. стр. X-ю). Авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ предшествующихъ строкахъ, указывая, что именно „весьма естественнo стѣснено шляхетство“: это пожизненная служба, трудность отставокъ, строгость „Артикула“, продолжительныя войны, ежегодные смотры недорослей у мѣстныхъ правителей, экстренные смотры ихъ въ Москвѣ и контроль за недорослями со стороны герольдмейстера. Здѣсь авторъ доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ своего незнакомства съ внутреннею исторіею Московской Руси. Онъ очевидно не знаетъ, что въ Московскомъ государствѣ служба была пожизненная,

тамъ: "И-го томи дѣиіи исторіи права Моск. государства—гдѣ при (17-мъ) вѣкѣ историческія данныя, относящіяся къ этому вопросу.

что она не прекращалась даже съ наступленіемъ фактической невозможности личной службы, замѣняясь службой по представительству, выставкой даточныхъ людей или уплатою известной суммы денегъ. Онъ очевидно не знаетъ, какъ затруднительна была отставка служилаго человека отъ *личной* службы, какъ строго осматривали служилыхъ людей, приходящихъ въ преклонные лѣта или раненыхъ и увѣчныхъ, передъ ихъ освобожденіемъ отъ личной служебной повинности. Онъ очевидно не знаетъ, что въ Московскомъ государствѣ мѣстнымъ воеводамъ вѣнялось въ неотлучную обязанность производить періодическіе осмотры недорослихъ вѣренныхъ имъ воеводствъ и что экстренные смотры (соединяемые съ процессомъ новичныхъ перстаній) отъ времени до времени производились или въ самой Москвѣ, или же лицами, специально для того присланными изъ столицы. Не знаетъ авторъ очевидно и о двойномъ контролѣ надъ служилыми людьми Московскаго государства: съ одной стороны—Разрѣда, съ другой стороны—мѣстныхъ воеводъ, ведшихъ списки служилыхъ людей своихъ десятенъ и зорко слѣдившихъ за ихъ очередною городовою службою (такъ какъ служилые люди по известной очереди обязаны были являться въ мирное время въ свой городъ для отбыванія разл. рода службъ). Странно и то, что авторъ забылъ о безпрестанныхъ войнахъ XVI и XVII вѣковъ, которыя, вмѣстѣ съ службами мирнаго времени, довели служилое сословіе до того разстройства матеріальнаго быта, на которое жаловалось оно на земскомъ соборѣ 1642 г. и при которомъ далеко не вкушало оно „привольнаго житія въ деревняхъ своихъ“, сравнительно съ шляхетствомъ первой половины XVIII-го столѣтія, которое такъ щедро представляетъ ему авторъ „Воцаренія имп. Анны Іоанновны“. Наконецъ укажемъ невѣрность заявленія автора о томъ, будто Петръ В. „ввелъ“ денежное жалованье въ качествѣ вознагражденія за службу; денежное жалованье было явленіемъ совершенно нормальнымъ и въ Московской Руси, предъходя въ помѣстной системѣ, какъ основному виду вознагражденія за службу.

б) Пятимъ и послѣднимъ явленіемъ „образовавшихъ фактъ воцаренія Анны Іоанновны“ выставляется Д. А. Борсаконъ „отношенія русскихъ людей къ иноземцамъ“. Объ этихъ отношеніяхъ авторъ говоритъ еще на стр. II своего

введенія. Сущность изложенныхъ имъ здѣсь фразъ слѣдующая: послѣ смерти Петра В. родословные люди встаютъ противъ иноземцевъ, явившихся къ намъ во время реформъ—возникаетъ борьба національная; при Екатеринѣ I—одерживаютъ побѣду новые русскіе люди и иноземцы. при Петрѣ II—родословные люди. Во время воцаренія Анны Ивановны родословные люди думаютъ побѣдить окончательно и новыхъ русскихъ людей и иноземцевъ—но навсегда протрываютъ свое дѣло и иноземцы побѣждаютъ, а родословные люди „искореняются и гибнутъ“. На стран. XII—XIII, гдѣ авторъ претендуетъ разсмотрѣть эти доводы частіе, мы находимъ повтореніе мыслей высказанныхъ г. Щебальскимъ, а главнымъ образомъ С. М. Соловьевымъ (Разсказы изъ русской исторіи XIII столѣтія, Рус. Вѣстн. 1861 г., т. XXXIII, стр. 25—26) о томъ, какъ Петръ, призвавъ въ Россію иноземцевъ, смотрѣлъ на нихъ только какъ на временныхъ учителей, не представляя имъ важныхъ государственныхъ мѣстъ и какъ въ послѣдствіи, при его преемникамъ, значеніе иноземцевъ въ государственной жизни начинаетъ расти — и въ заключеніе передается, что „въ два года царствованія Екатерины все болѣе и болѣе развивается у русскихъ людей злоба противъ нѣмцевъ—проходимцевъ“ и какъ эта злоба перешла въ открытый протестъ при Петрѣ II, выразившійся „въ переводѣ ребенка—императора въ старую Москву, гдѣ... были сильны національныя русскія традиціи“. Вотъ все, что найдемъ мы у автора по разсматриваемому вопросу. Невольно приходимъ въ недоумѣніе: авторомъ такъ много хорошо и *художественно* сказано, а въ результатъ — никакого вывода, никакого объясненія о вліяніи отношеній между русскими и иноземцами, въ качествѣ историческаго явленія, подготовившаго событія 1730 года. Замѣчательное искусство у нашего автора: много наговорить и въ сущности—ничего не высказать!

Разсмотрѣнными выше пятью рубриками—исчерпывается у автора „Воцаренія императрицы Анны Ивановны“ вся историческая подкладка его изслѣдованія. Авторъ считаетъ очевидно задачу свою съ честью выполненною въ этомъ отношеніи, и на стр. XIII доктринальнымъ тономъ заявляетъ: „Исчисленіи явленія и подготовили тѣ заиски, которые выразились при воцареніи Анны Ивановны. Заиски эти

были *логическимъ результатомъ предыдущаго*, какъ является все въ исторіи, природѣ которой такъ-же чуждо явленіе случайное, какъ оно чуждо природѣ физической и нравственной, индивидуальной природѣ человека. Да, авторъ тысячу разъ правъ: природѣ исторіи чужды явленія случайныя,—онъ ихъ не знаетъ; она пылливо силится проникнуть причины каждаго явленія, она тщательно стремится подмѣтнть связь даннаго историческаго факта съ явленіями предшествовавшей и послѣдующей исторической жизни народа. Вотъ почему всякая историческая тема, разработка которой претендуетъ на значеніе *научнаго труда*—должна быть построена на историческихъ основаніяхъ, а не представлять собою какой-то оазисъ въ исторіи, окруженный безотвѣтною пустынею, отказывающеюся отозваться ни самые естественные и законные вопросы читателя. На сколько вѣренъ остался авторъ „Воцаренія импер. Анны Іоанновны“ высказанному имъ воззрѣнію на значеніе историческихъ явленій, на сколько удовлетворительно освѣщены имъ съ исторической стороны событія 1730 года—предоставляемъ судить читателю. Мы лично вынесли изъ прочтенія этой части труда г. Корсакова то предположеніе—что ему самому не представляется достаточно яснымъ: *какимъ именно образомъ* даже ближайшія историческія явленія, рассмотрѣнныя имъ во введеніи, явились факторами подготовительными къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ воцареніе императрицы Анны Ивановны. Замыслы верховниковъ были, по словамъ автора, *логическимъ результатомъ предыдущаго*. Въ этомъ не можетъ конечно быть ни тѣни сомнѣнія. Но болѣе нежели странною представляется та узость, съ которою понимаетъ г. Корсаковъ выраженіе „предыдущее“, ограничивая его промежуткомъ времени въ одно тридцатилѣтіе. Авторъ упорно и съ энергіею, достойною лучшаго примѣненія, отказывается искать это „предыдущее“ за рубежомъ излюбленнаго имъ XVIII-го вѣка. Между тѣмъ, если бы авторъ обратился къ Руси Московской—онъ нашелъ бы въ исторіи государственной жизни ея явленія, весьма и весьма близко подходящія къ событію 1730 года. Въ этомъ отношеніи книга г. Корсакова представляетъ научный регрессъ даже въ сравненіи съ журнальною статью г. Карновича. Въ статьѣ г. Карновича (см. стр. 229—239) читатель найдетъ указанія на *понятія* мо-

сковскаго боярства ограничить самодержавіе царей,—попытки, имѣвшія мѣсто въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ; еще раньше г. Карновича представилъ эти указанія проф. Н. А. Полюновъ, во 2-й главѣ своего сочиненія „Татищевъ и его время“,—главѣ, посвященной изложенію событій воцаренія Анны Ивановны: слѣдовательно Д. А. Корсаковъ не можетъ отговариваться новизною мысли о соотношеніи событій XVI—XVII вв. и событія 1730 года. Г. Карновичъ, нацримеръ, весьма ясно указываетъ на это соотношеніе, заявляя: „Нерѣдко нныя историки, возмущаясь какимъ либо фактомъ, любятъ указывать, между прочимъ, на его безпримѣрность. Подобный отзывъ слышался прежде и о событіяхъ 1730 года. Между тѣмъ, оказывается, что русскіе бояре были не прочь дѣйствовать при удобномъ случаѣ такъ, какъ дѣйствовали верховники“. Далѣе г. Карновичъ приводитъ, хотя и въ весьма краткомъ изложеніи, указанія на отдѣльные случаи подобнаго образа дѣйствія бояръ. Слѣдовательно въ трудахъ предшественниковъ своихъ Д. А. Корсаковъ имѣлъ уже въ наличности мысль объ исторической связи стремленій верховниковъ 1730 г. съ стремленіями московскихъ бояръ XVI—XVII-го вѣковъ; весьма естественнымъ представлялось бы ожидать отъ автора „Воцаренія импер. Анны Іоанновны“ дальнѣйшаго развитія этой мысли, если онъ согласенъ ее допустить, или доказательствъ противъ этой мысли, если она противорѣчитъ научнымъ воззрѣніямъ автора. Между тѣмъ Д. А. Корсаковъ не предпринимаетъ ни того ни другаго. Избѣгая на пути историческаго труда своего дебрей XVI и XVII вѣковъ (въ которыхъ оказывается отъ такъ мало ориентированнымъ)—онъ храбро игнорируетъ эту сторону работъ своихъ предшественниковъ, и даже самаго г. Карновича, за которымъ такъ неудачно слѣдуетъ въ исторической части своего введенія. Этому игнорированію предшествовавшего XVIII-мъ вѣку хода развитія русской государственной жизни—обязанъ авторъ не выдерживающей ни малѣйшей критики историческою подкладкою своего сочиненія. Между тѣмъ, обратись Д. А. Корсаковъ къ явленіямъ русской исторіи XVI—XVII вѣковъ—онъ нашелъ бы въ нихъ много условій, объясняющихъ попытку верховниковъ ограничить самодержавіе Анны Ивановны, нашелъ бы историческое объясненіе причины неудачи этой попытки, и, вслѣдствіе этого, историческія причины событія 1730 г. представились бы ему

болѣе глубокими и болѣе серьезными, чѣмъ какія то отношенія между русскими и иностранцами, неопредѣленность правъ шляхетства, неопредѣленность престолонаслѣдія и т. п. *мнимых* „причинъ“ обстоятельствъ, сопровождавшихъ воцареніе импер. Анны Ивановны.

Размѣръ настоящей статьи не дозволяетъ намъ распространяться о поставленномъ нами вопросѣ съ тою подробностью, какой заслуживаетъ историческая важность его, тѣмъ болѣе, что мы не разъ имѣли уже случай печатно высказывать наши воззрѣнія на отношенія боярства къ самодержавію въ теченіи XVI—XVII вѣковъ развитія русской исторической жизни (*). Поэтому, въ настоящую минуту, мы позволимъ себѣ лишь въ краткомъ очеркѣ изложить историческія явленія XVI—XVII вѣковъ, являющіяся, по нашему убѣжденію, истинными *историческими* причинами событій сопровождавшихъ воцареніе Анны Ивановны. Съ этою цѣлью должны мы углубиться до самаго начала XVI-го вѣка, до той эпохи, когда, по присоединеніи къ Москвѣ послѣднихъ, сохранившихъ еще свою самобытность, волостей русскихъ—забѣдана была централизованная политика государей Московскихъ. Московское государство выясняетъ теперь будущую фисіономію свою; выясняется и характеръ власти государей его. Эта власть—единодержавная и самодержавная. Обстоятельства, возвысившія самодержавіе,—повлекли за собою съ другой стороны умаленіе значенія высшихъ представителей служилого класса, значенія, которое особенно сильно проявлялось въ Думѣ Боярской. Уже в. к. Василій Ивановичъ не только до крайности стѣснялъ кругъ активных содѣйниковъ своихъ въ Думѣ, но стремится искоренить свободу мысли и слова думцевъ своихъ, преслѣдуя послѣднихъ за „встрѣчи“, за высказываніе мнѣній, несогласныхъ съ мнѣніемъ государя. Московская служилая аристократія далеко не равнодушно относилась ко все большому и большому умаленію влияния ея на государственное управленіе, влияния, которое въ предшествовавшемъ періодѣ въ такой широкой мѣрѣ предоставлялось дружинникамъ княжескимъ. Не могло

(*) См. нов. *Открыт. орган.* в провѣст. служилого сословія въ до-Исторической Руси (Каз. 1875), стр. 108—112; *Исторія права Москов. государства*, т. I, (К. 1877), стр. 142—151, т. II, вып. 1-2 (К. 1879), стр. 22—39.

быть московской служилой аристократіи по—сердцу и вышешеіе, съ одной стороны—новыхъ служилыхъ родовъ⁽¹⁾, съ другой стороны—служилыхъ выходцевъ изъ чужихъ земель⁽²⁾. Такимъ образомъ Д. А. Корсаковъ, ознакомившись короче съ исторіею Московскаго государства, безъ сомнѣнія увидалъ бы, что борьба людей родословныхъ съ людьми неродословными, выдвигаемыми въ силу начала личной заслуги, а съ другой стороны, борьба туземныхъ служилыхъ родовъ съ родами выѣхавшими изъ чужихъ земель—знакомы были и предшествующему періоду, слѣдовательно приурочиваніе этой борьбы „общественной и національной“ (какъ называетъ ее авторъ) къ эпохѣ „активной реакціи“ противъ Петровскихъ новшествъ и возведеніе ее къ числу историческихъ причинъ событія 1730 года—ошибка автора, указывающая на крайнюю шаткость исторической почвы подъ его ногами. Недополство родословныхъ людей вводнымъ московскими государями новымъ режимомъ государственной жизни—сдѣляется особенно понятнымъ для насъ, если мы вспомнимъ, изъ какихъ элементовъ составлялась московская служилая аристократія: здѣсь на первомъ планѣ стояли потомки удѣльныхъ князей—Рюриковичей, представители княжескихъ родовъ, недавно бывшихъ еще владѣтельными, но волею—неволею склонившихся передъ всеокрушающею централизационною политикою великихъ князей Московскихъ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Вспомнимъ упоръ кн. Курбскаго: «Писари же ваши русскіе, нмъ же князь великій зѣло вѣритъ и избираетъ ихъ не отъ малолетскаго рода, ни отъ благородна, но вѣче отъ поповичей или отъ простаго всепародства,—а то неналидичи тлоритъ селѣможе своихъ». Такъ назывался въ третьей четверти XVI-й ст. представитель „родословныхъ людей“ того времени! См. также пом.: «Исторію права Моск. государ., т. II, вым. I, стр. 27 и слѣд.

⁽²⁾ Вспомнимъ предсмертный наказъ в. к. Василия Ивановича боярину: «Приказываю вамъ Михаила Львовича Главскаго: человекъ изъ насъ пріѣхалъ,—и вы бы того не молили, что онъ пріѣзжіи, держите его за здѣшняго уроженца, занеже мнѣ онъ пріямой слуга». См. также пом.: «Очерки орган. и прохв. служилаго сословія въ до—Петровской Русь», стр. 128—129.

⁽³⁾ Такъ въ 1505 г., при вступленіи на престолъ в. к. Василия Ивановича, изъ 20 бояръ и околицити—11 лицъ были представителями княжескихъ родовъ, лишь незадолго до того утратившихъ свою независимость. Въ моментъ смерти этого государя, изъ 21 боярина и околицити—13 лицъ были представителями родовъ князей—Рюриковичей. См. пом.: «Исторію права Моск. государ., т. II, вым. I, стр. 26—27.

Недовольство служилой аристократіи существующим порядкомъ вещей и стѣсненіемъ ея политическаго значенія скоро переходитъ въ болѣе или менѣе открытую реакцію: она выражается, съ одной стороны—въ образованіи при дворѣ оппозиціонной партіи недовольныхъ, съ другой стороны—въ усиливавшейся до чрезвычайныхъ размѣровъ эмиграціи въ Литву. Партія недовольныхъ пробовала стать въ оппозицію государямъ въ Думѣ Боярской: но государи московскіе изгоняютъ недовольныхъ изъ Думы своей и не стѣсняются обсуждать всѣ государственныя дѣла „самъ третей у постели“. Туго приходилось нерѣдко и лицамъ, пытавшимся эмигрировать за рубежъ: права отъѣзда уже не существовало болѣе для служилыхъ людей, фактическіе же отъѣзды объявлялись теперь государственною измѣною: бѣглецовъ преслѣдуютъ, хватаютъ, возвращаютъ обратно въ Москву, заключаютъ въ тюрьмы и конфискуютъ ихъ имущества. Конецъ XV-го вѣка и первые три четверти XVI-го вѣка—могутъ быть представлены эпохою открытой борьбы служилой аристократіи съ усилившимся абсолютизмомъ. Если родословнымъ людямъ и была какая либо возможность ограничить самодержавіе на началѣ аристократическомъ—эта возможность должна быть относима именно къ этой эпохѣ. Особенно благоприятныя для боярства обстоятельства сложились послѣ смерти в. к. Василия Ивановича, когда, въ виду малолѣтства в. к. Іоанна IV-го, правленіе государствомъ сосредоточилось въ Думѣ Боярской. Наступилъ повидимому моментъ, удачно пользовавшись которымъ, боярство могло бы востановить утраченное значенія свое и сдѣлать Думу Боярскую орудіемъ ограниченія самодержавія. Но московское боярство не только не сумѣло воспользоваться этимъ моментомъ, оно не сумѣло даже оставаться на высотѣ задачи своей—олицетворять правительство при ребенкѣ—государѣ. Въ средѣ боярства возникаетъ рознь, борьба изъ за первенствующаго значенія, — каждый родъ стремится „засѣсть“ другіе роды, каждый родъ стремится захватить въ свои руки какъ можно болѣе значенія и власти, каждый изъ правителей стремится какъ можно болѣе поживиться на счетъ казны и народа. Интересы государства и земщины были при этомъ въ полнѣйшемъ пренебреженіи: наместники грабили и притѣсняли народъ, свирѣпствуя „какъ львы“, въ областяхъ страшно усилился разбѣгъ, съ которымъ съ успѣхомъ конкурировала по степени

нависаемаго земщи́нъ за дѣятельность смѣшниковъ, разосла-
ныхъ для искорененія разбойниковъ, народъ изнывалъ подъ
тягостью податей и другихъ повинностей,—и четырнадцатилѣтній періодъ боярскаго правленія на столько „поиспалъ“
весь жизненный строй русской земли, что молодой царь Іоаннъ
увидѣлъ себя вынужденнымъ принять самыя дѣятельныя мѣ-
ры къ „исправленію“ государственнаго и земскаго „наряда“
русской земли. Но эта задача была не легка: благодаря
вредительствующимъ условіямъ русской жизни—земщина ста-
ла въ оппозицію государству. Надо было прежде всего при-
мирить земщину и государство; для этого Іоанну надо было
умалить значеніе боярства, стремившагося стать твердою стѣ-
ною между государемъ и народомъ—и найти средство непо-
средственнаго общенія съ народомъ. Отсюда—начало *зем-
скихъ соборовъ*; первый земскій соборъ созванъ былъ немедле-
но послѣ освобожденія себя Іоанномъ изъ подъ гнета бояр-
скаго вліянія.

Стоитъ только припомнить рѣчь молодого царя, про-
изнесенную съ лобнаго мѣста при открытіи земскаго со-
бора 1648 или 1649 года и исторію послѣдующихъ земскихъ
соборовъ—что-бы понять, что этотъ первый земскій соборъ
былъ возвышеннымъ, торжественнымъ и глубоко-трогатель-
нымъ актомъ союза царя съ землею, съ устраненіемъ по-
средствующаго и вреднаго вліянія боярства, союза на долго
предопредѣлившаго отношенія русскаго царя и русскаго на-
рода. *Первый* земскій соборъ призналъ за *первымъ* мо-
сковскимъ царемъ полное и неограниченное самодержавіе,
вернѣе послѣднее съ почвы факты на почву права. Въ
послѣдующія времена, въ тяжелыя, трудныя годины государ-
ственной жизни, уже не къ боярству обращаются государи
за содѣйствіемъ, а къ самому народу, къ самой земщинѣ, въ
лицѣ ея представителей,—и послѣдніе добѣрчиво и смѣло
высказывали государямъ свои мысли, желанія и предполо-
женія. Само собою разумѣется, что боярство, увидя духовное
единеніе царя съ землею—должно было съ этой минуты по-
чувствовать себя изолированнымъ классомъ и потерять на-
дежду на возможность осуществленія въ будущемъ своихъ
политическихъ стремленій, тѣмъ болѣе что къ земщинѣ при-
кнули и всѣ низшіе разряды служилаго сословія. Царь Іоаннъ
не остановился на достигнутыхъ имъ результатахъ, не удовле-
творился сознаніемъ того, что „*дѣлитъ Богъ боронитъ его*“—этѣ

Боярь, — какъ выразился царь послѣ покоренія Казани, не удовлетворился онъ и кровавою борьбою съ служилою аристократіею. Онъ идетъ еще далѣе: онъ демократизируетъ, на сколько возможно, эту Думу Боярскую; таково значеніе учрежденія чина думнаго дворянина и введенія въ Думу въ качествѣ активныхъ членовъ дьяковъ — первоприсутствующихъ приказовъ (думные дьяки). Царь Іоаннъ достигъ рѣшительной побѣды надъ политическими тенденціями боярства: значеніе боярства было надломлено и Дума Боярская осталась исключительно совѣщательнымъ учрежденіемъ, съ значительно умѣреннымъ аристократическимъ характеромъ. Боярство поняло, что дѣло его проиграно — и отказывается отъ всякихъ попытокъ открыто протестовать противъ самодержавія, хотя представители отдѣльныхъ боярскихъ родовъ не забываютъ и въ послѣдствіе „политическихъ умпачертацій“, всосанныхъ ими съ молокомъ матерей своихъ. И мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ перепесенія боярствомъ этихъ затаенныхъ „умпачертавій“ на почву дѣйствительной жизни и въ послѣдующія времена, — но эти послѣдующія попытки встрѣчаются лишь при обстоятельствахъ исключительныхъ, — именно при избраніи на сдѣлавшійся вакантнымъ Московскій престолъ царей изъ новыхъ династій. При нормальномъ теченіи государственной жизни, при наличности на престолѣ государя — боярство не дѣлало попытокъ ограничить собою самодержавіе, — и это вполне понятно: оно не могло найти почвы, на которую могло бы опереться въ своей борьбѣ съ самодержавіемъ, почву, какую находила, напримѣръ, при подобныхъ обстоятельствахъ англійская аристократія, опиравшаяся на второстепенное дворянство и на народные массы. Не говоря уже о томъ, что наша боярская „аристократія“ никогда не была сколько нибудь значительна, не говоря уже о томъ, что она никогда не была внутренне сплочена, но, напротивъ, враждовала отдѣльными родами и раздиралась мѣстическими спорами — имъ не можно упускать изъ виду и того обстоятельства, что она не находила поддержки, ни въ низшихъ чинахъ служилыхъ людей, примыкавшихъ болѣе къ земщинѣ, нежели къ ней, ни въ самой земщинѣ; ни съ служилыми людьми низшихъ чиновъ, ни съ земщиною — не соединяла ихъ никакая солидарность, ни духовная, ни матеріальная. Народныя массы не сниматизировали эгонистическихъ стремленій боярства; ни служилые люди, ни земщина — не могли согласиться прогнать

абсолютизмъ царя на абсолютизмъ и олигархію нѣсколькихъ боярскихъ родовъ, не могло желать видѣть надъ собою „вмѣсто одного государя столько тирановъ, сколько членовъ въ совѣтъ,“ какъ выразилъ саксонскій посланникъ Лефоръ опасеніемъ шляхетства по поводу замысловъ верховниковъ 1730-го года ('). Укажемъ теперь, почерпаемые изъ исторіи XVI-го—XVII-го вѣковъ, примѣры попытокъ боярства ограничить самодержавіе государей, вновь возводимыхъ на московскій престолъ. Первый примѣръ подобнаго рода относится уже къ 1598 году, когда, послѣ смерти бездѣльнаго царя Θεодора Ивановича—пресѣкся домъ Рюрика и престолъ остался вакантнымъ. Бояре задумали воспользоваться наступившимъ междоцарствіемъ и устроить государство по своимъ заветнымъ планамъ. Въ Кремлѣ было большое народное собраніе по поводу отрѣченія отъ престола вдовствующей царицы Ирины: и вотъ къ народу выходитъ клеветникъ бояръ, печатникъ Василій Щелкаловъ, и предлагаетъ цѣловать крестъ Думѣ Боярской. „Не знаемъ ни князей, ни бояръ—раздались возгласы изъ среды народа—знаемъ только царицу; мы ей дали присягу и другой не дадимъ никому.“ Переговоривъ съ боярами, В. Щелкаловъ вторично выходитъ къ народу съ тѣмъ же предложеніемъ, заявивъ о категорическомъ отказѣ отъ престола Ирины; новый отказъ народа въ присягѣ боярамъ—и провозглашеніе въ царя брата вдовствующей царицы, боярина Бориса Годунова. Бояре и при этомъ оборотѣ дѣла не пали духомъ, задумавъ принудить Годунова присягнуть на ограничивающей самодержавію грамотѣ. Борисъ узнавъ объ этой „затѣлкѣ“ боярства—и, притворно отказываясь отъ предлагаемаго престола, выжидаетъ утвержденія себя земскими соборами, который и избралъ его на царство съ полными, неограниченными, самодержавіемъ.

Вторая подобнаго же рода попытка бояръ относится къ 1606 году, когда, послѣ сверженія Самозванца, избранъ былъ на царство бояринъ князь Василій Шуйскій. Ему также предложены были боярами ограничительныя условія, въ силу которыхъ который новый царь обратился въ соборъ съ слѣдующими словами къ народу: „По Божію изволенію мною избранъ на престолъ Московскій государь“ ('). См. свѣд. Д. А. Корсаковъ, стр. 92.

дарства и нарѣченъ отъ всѣхъ царей... Я цілую крестъ на томъ, что не стану никому мстить за никомедшее и не стану никого судить и наказывать безъ боярскаго примѣра! Въ отвѣтъ на эти торжественныя слова, изъ среды удивленнаго народа раздались протестующіе возгласы: „Никогда не творилось у насъ такого, не затѣвать новаго государства (!)“!

Въ эпоху смутнаго времени былъ, какъ извѣстно, призываемъ московскими боярами на русскій престолъ польскій королевичъ Владиславъ. Ему также предложены были ограничивающіе самодержавіе его условія, текстъ которыхъ счастливымъ образомъ сохранился до нашихъ дней; условія эти слѣдующія: 1) держать по достоинству бояръ и всѣхъ чиновъ людей Московскаго государства; 2) не тѣснить и не принижать въ чести московскіе княжескіе и боярскіе роды передъ пріѣзжими иностранцами; 3) измѣненія въ законодательствѣ производить не иначе, какъ по совѣщанію съ боярами и всею землею; 4) безъ боярскаго суда и примѣра не казнить смертию, не посылать въ заточеніе и не конфисковать имущества и 5) не набавлять податей и налоговъ и не вводить новыхъ безъ вѣдома бояръ. Королевичъ Владиславъ фактически не царствовалъ и слѣдовательно эти условія, или „пункты“ (какъ сказали бы бояре XVIII-го вѣка), не перешли съ бумаги въ дѣйствительную жизнь; тѣмъ не менѣе они служатъ живымъ нагляднымъ боярскихъ тенденцій начала XVII-го вѣка (!).

Существуютъ указанія, что и при избраніи въ 1612 году на престолъ Михаила Феодоровича Романова бояре нѣмъ въ виду поднять свое политическое значеніе и что, въ видахъ послѣдняго, сильно рассчитывали на его молодость и неопытность. Котошихинъ, современникъ царя Алексѣя Михайловича, прямо свидѣтельствуетъ, что при избраніи царей брались отъ нихъ записи, — „что имъ быть не жестокимъ и непальчимъ, безъ суда и безъ вины никого не казнить

(!) Не напомнимъ ли отъ протестъ возгласъ, раздавшихся въ 1730 г. въ засѣданіи 2-го февраля: сіе вѣдомъ и вѣсьма чудно, отъ чего вы нисколько не казните такъ насъ? (см. книгу Д. А. Нарыкова, стр. 123).

(!) Предоставлять самимъ читателямъ сопоставить это условіе со слѣдующимъ предложеннымъ Акимъ Нарыковымъ. (См. стр. 123).

ни за что, и мысли о всяких дѣлахъ съ бояры и съ думными людьми сопча, а безъ ведомости и тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлать." Нельзя наконецъ не отмѣтить и еще одного, въ высшей степени смѣлаго и честолюбиваго, замысла московскаго боярства, относящагося уже къ послѣдней четверти XVII-го столѣтія: при царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ (дядѣ императрицы Анны Ивановны) бояре имѣли въ виду раздѣлить между собою всю русскую землю на послѣдственными намістничества, ввести въ титулы свои названія подвластныхъ имъ областей.

И такъ еще отъ XVI-го и XVII-го столѣтій имѣемъ мы примѣры попытокъ бояръ ограничить самодержавіе государей. Попытки эти не увѣнчивались успѣхомъ, — не увѣнчивались именно потому, что бояре дѣйствовали въ своихъ личныхъ, олигархическихъ интересахъ, а вслѣдствіе этого не находили себѣ опоры, ни въ высшихъ разрядахъ служилыхъ людей (будущее шляхетство первой половины XVIII стол.), ни въ народныхъ массахъ.

Уже поверхностное сравненіе приведенныхъ нами попытокъ московскаго боярства съ попыткой верховниковъ 1730-го года — невольно бьетъ въ глаза ихъ сходство и несомнѣнною историческою связью, съ тою только разницею, что о первыхъ имѣется пока въ нашемъ распоряженіи весьма небольшое число данныхъ, и что бояре 1730-го года замыслили свои „затѣйки“ въ пудренныхъ парикахъ и пѣмеченныхъ кафтанкахъ, взаимѣ горлатныхъ шапокъ и парчевыхъ охабней своихъ отцевъ и дѣдовъ, хотя сердца и тѣхъ и другихъ волновались одними и тѣми же расчетами, одними и тѣми же мечтами и пожеланіями — „какъ бы себѣ воли прибавить“ и поднять утраченное политическое значеніе свое.

Иной вопросъ — согласенъ или не согласенъ Д. А. Корсаковъ съ нашимъ возрѣніемъ на историческую связь событій 1730 года съ попытками бояръ XVI-го и XVII-го вѣковъ, но страннымъ представляется во всякомъ случаѣ тотъ фактъ, что авторъ, самъ заявившій въ началѣ книги своей, что замыслы верховниковъ были „логическимъ результатомъ предыдущаго, какъ является все въ исторіи, природѣ которой чудно явленіе случайное“ — ни однимъ словомъ не упомянулъ въ своемъ „историческомъ этюдѣ“ о приведенныхъ нами попыткахъ бояръ ограничить самодержавіе московскихъ царей и въ этомъ отношеніи остался даже отъ журнальной

статья г. Карповича! А болѣе обстоятельное ознакомленіе съ исторіею Московской Руси даде бы автору возможность не ограничиваться, выставленными нѣмъ на страницахъ III-ей и заимствованными у г. Карповича, нѣтъ ли мнѣній „причинами“ (!) событій, которыми сопровождалось воцареніе императрицы Анны Ивановны.

Мы бытъ можетъ слишкомъ долго останавливались на исторической части (стр. I—XIII) книги Д. А. Корсакова. Не да извинять намъ это и читатели и самъ почтенный авторъ „Воцаренія императрицы Анны Іоанновны“. Вопросъ на столько серьезенъ, что вскользь обойти его невозможно. Самия событія воцаренія Анны Ивановны уже не разъ излагались въ литературѣ весьма подробнымъ образомъ и г. Корсаковъ мало прибавилъ въ изложеніи нѣхъ новаго. Но знаемъ какъ другія лица, занимающіяся русскою исторіею,—но мы лично расхитывали увидѣть въ сочиненіи Д. А. Корсакова именно историческое освѣщеніе этого вопроса, которое и составляло открытую сторону вопроса. Авторъ же „Воцаренія императрицы Анны Іоанновны“ не только не внесъ ничего новаго въ эту сторону вопроса, но ухитрился, какъ мы видѣли выше, затенить даже и то небольшое, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи его предшественниками.

Разсматривавшаяся нами до сихъ поръ историческая часть труда Д. А. Корсакова—составляетъ предметъ содержанія первой половины введенія. Вторая половина его посвящена „обзору источниковъ и литературы“ вопроса, составляющаго предметъ содержанія книги г. Корсакова. Здѣсь авторъ, перечисляя источники, положенныя нѣмъ въ основу диссертациіи его, разсматриваетъ ихъ въ двухъ большихъ группахъ: источники отечественные и источники иноземные. Первая группа, въ свою очередь, разбита авторомъ на двѣ рубрики: а) документы, официальные записки и различнаго рода акты и в) записки русскихъ современниковъ. Здѣсь авторъ перечисляетъ и тѣ матеріалы, которыми воспользовался онъ во время занятій своихъ въ архивахъ: Государственномъ, Сенатскомъ, Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и въ архивѣ Свят. Синода. За обзорѣемъ источниковъ, авторъ указываетъ литературу вопроса о воцареніи императрицы Анны Ивановны.

Эпизодъ считаемъ мы возможнымъ заключить разсмотрѣніе введенія въ изслѣдованію Д. А. Корсакова.

II.

Самое изложеніе событій, сопровождавшихъ воцареніе Анны Ивановны, авторъ раздѣляетъ на десять главъ. Имѣя въ виду оцѣнку труда Д. А. Корсакова преимущественно съ точки зрѣнія исторической подкладки его, а также принимая въ соображеніе разрастающіеся размѣры нашей статьи, мы постараемся сдѣлать наше дальнѣйшее изложеніе по возможности краткимъ и ограничимся лишь указаніемъ важнѣйшихъ и наиболѣе бьющихъ въ глаза заблужденій и ошибокъ автора.

II-рая глава изслѣдованія Д. А. Корсакова (стр. 1—18) посвящена изложенію событій 19 января 1730 года. Здѣсь авторъ описываетъ всеобщую тревогу, вызванную въ столицѣ смертью Петра II-го, совѣщаніе верховниковъ въ ночь кончины императора, результатомъ котораго явилось рѣшеніе призвать на престолъ герцогиню Курляндскую Анну Ивановну, исторію составленія ограничительныхъ пунктовъ и отправленіи въ Митаву депутаціи для врученія Аннѣ Ивановнѣ письма объ избраніи ея на престолъ и составленныхъ въ виду ограниченія ея самодержавія „кондицій“. Здѣсь излагаются авторомъ „Воцаренія импер. Анны Іоанновны“ событія, извѣстныя прежнимъ изслѣдователямъ того же вопроса и, въ особенности, покойному проф. С. М. Соловьеву (въ XIX тѣ томѣ его „Исторіи Россіи“), почерпавшему свои данныя изъ дѣлъ того же Государственнаго Архива, въ которомъ собиралъ между прочимъ матеріалы для своего труда и Д. А. Корсаковъ. Правда, что Д. А. Корсакову удалось почерпнуть изъ дѣлъ Государственнаго Архива нѣсколько подробностей, касающихся происшествія 19 января 1730 года и исторіи составленія ограничительныхъ пунктовъ; но эти подробности не могутъ быть признаны настолько существенными, чтобы пролить какой-либо изъ нихъ новый свѣтъ на эти событія.

III-ья глава — „Верховники и главнѣйшіе ихъ противники изъ генералитета и Синода“ (стр. 19—57) — нѣтъ

своею задачею представить характеристику лиц, игравших наиболее выдающуюся роли въ событіяхъ, сопровождавшихъ воцареніе Анны Ивановны. Мысль представить характеристику этихъ лицъ—не новость въ литературѣ вопроса; попытку осуществленія ея находимъ мы въ цитированной уже нами статьѣ г. Карновича (стр. 235 и слѣд.). Д. А. Корсаковъ простеръ выполненіе подобной попытки несравненно далѣе, представивъ на 32 страницахъ своего труда (стр. 25—57) характеристики 16 лицъ, причастныхъ къ событіямъ 1730 года. Мы не предпринимали конечно египетской работы проверки всѣхъ данныхъ, приводимыхъ здѣсь Д. А. Корсаковымъ, хотя и не можемъ воздержаться отъ выраженія нѣкотораго недовѣрія къ безусловному пользованію такими источниками, каковыя является „Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ“, почтенный, но слишкомъ устарѣвшій „Словарь достопамятныхъ людей“ „Балтыны—Каменскаго“ и наконецъ различнаго рода изданія нѣмецкой и французской странни. Кстати нѣсколько словъ объ опасности пользованія послѣдними, къ которому такъ склоненъ авторъ „Водаренія импер. А. И.“ На стр. 22-й (второй главы сочиненія) Д. А. Корсаковъ рекомендуетъ книгу А. Kleinschmidt'a: „Russlands Geschichte und Politik dargestellt in der Geschichte des russischen Adels (Cass 1877), какъ толковый сводъ свѣдѣній о замѣчательныхъ русскихъ фамиліяхъ, весьма „пригодный и удобный“ для справокъ. Между тѣмъ одинъ изъ почтенныхъ корифеевъ русской исторической науки, проф. К. Н. Бестужевъ—Рюминъ, въ своей библиографической запискѣ о книгѣ Д. А. Корсакова (Журн. М. Нар. Пр. 1880 г., № 6), упрекая автора въ приписываніи слишкомъ большаго значенія книгѣ Клейншмидта, говоритъ, что, справляясь съ нею, былъ несчастливѣе г. Корсакова и встрѣчалъ здѣсь „только недоразумѣнія, чтобы выразиться помягчелѣе“.

Въ разсматриваемой части своего изложенія, Д. А. Корсаковъ останавливаетъ главное вниманіе свое на князьяхъ Долгорукихъ и Голицыныхъ, какъ явившихся главными дѣтелями описываемаго имъ событія. Главными дѣтелями явились они здѣсь „не произвольно и не случайно“, — заявляетъ авторъ, и затѣмъ продолжаетъ далѣе: „Ихъ происхожденіе, ихъ жизни—воспитаніе въ нихъ ту политическую роль, которую они сыграли 19 января. Ихъ политическія задачи складывались постепенно, изъ рода, въ родъ, переходя

но наслідію отъ предковъ... они по природѣ (?) своей не могли отрѣшиться отъ умоначертанія этихъ предковъ, они были плоть отъ плоти, кость отъ кости, Голицинныхъ и Долгоруковыхъ XVII-го вѣка." Съ тѣмъ чтобы лучше понять стремленія Долгорукихъ и Голицинныхъ 1730 года — авторъ обращается къ участию предковъ ихъ въ политической жизни XVII-го вѣка, съ цѣлью выясненія жившихъ съ сердцахъ дѣателей 1730 г. „традицій родословности, заставлявшихъ родословныхъ людей идеализировать политическій бытъ московской, до — петровской, Руси (см. страницу 280-ю)." И такъ авторъ утверждаетъ, что участіе родословныхъ людей въ событіяхъ 1730 года — результатъ идеализированія ими политическаго быта московской Руси, другими словами, родословные люди 1730 года преслѣдовали тѣже политическіе идеалы, какіе преслѣдовало боярство XVI—XVII вѣковъ. Привѣтствуемъ эту мысль, хотя и высказанную авторомъ въ послѣдней главѣ книги, какъ бы случайно, ненарокомъ, мысль совершенно согласную съ нашими собственными возрѣніями ни истинную историческую причину попытки 1730 года, возрѣніями, высказанными выше. Что-бы автору раньше остановиться на этой мысли и хорошенько развить ее, отбросивъ въ сторону „пассивныя и активныя" реакціи, „конъюнктуры", „тестаменты", „общественную и національную" борьбу, неопредѣленности престолонаслѣдія, личныя качества предшественниковъ и т. п. иными историческія причины событія 1730 года, выхваченныя изъ статьи г. Карновича и изложенныя авторомъ въ первой половинѣ введенія. Что-бы автору серьезно отнестись къ предпринятой имъ экскурсіи въ область московской Руси и, выполняя свое обѣщаніе, *дѣйствительно* показать намъ, каковы были *идеалы и политическія умоначертанія* русскихъ родословныхъ людей XVI и XVII вѣковъ. Но авторъ остается при одномъ обѣщаніи дать намъ подобныя указанія, представляя намъ на стр. 20—24 лишь послужные списки и самыя общія характеристики нѣсколькихъ Долгорукихъ и Голицинныхъ XVII-го вѣка (*).

(*) Въ разѣ того, что одинъ изъ нихъ отличался суровымъ нравомъ и страшномъ жестокостію, другой, идеализированный современниками, считался „человѣкомъ пріятнаго, твердаго и независимаго характера, третій считался очень рѣзкимъ умственнымъ способностей и т. д. только для своего времени образованіе" и т. д.

Такъ, напиримѣръ, изъ изложенія Д. А. Корсакова читатель узнаеть, что изъ Долгорукихъ одинъ защищать Троице—Сергіеву Лавру отъ поляковъ, другой былъ сторонникомъ избранія на престолъ Михаила Осодоровича, третій былъ замѣчательнымъ криминалистомъ (?), техникомъ — артиллеристомъ, администраторомъ и полководцемъ, четвертый былъ въ такомъ то году отправленъ посломъ въ такое то государство или участвовать въ такомъ то походѣ, — но самаго главнаго, именно *идеолога и политическаго умннлчр-таннй* этихъ родословныхъ людей XVII-го вѣка, переданныхъ ими нхъ потомкамъ XVIII-го вѣка, тщегно стали бы мы искать въ „Воцаренія импер. Алены Іоанновны“. Но и въ этихъ „послужныхъ спискахъ“ родословныхъ людей XVII-го вѣка можно указать у Д. А. Корсакова нѣсколько весьма наивныхъ заблужденій. Таково, напиримѣръ, заявленіе его на стр. 24-й о томъ, что кн. В. В. Голицину удалось провести въ жизнь лишь одну „сравнительно—незначительную“ (!) реформу—уничтоженіе мѣстничества“ (показывающее малое знакомство автора съ внутреннимъ бытомъ московскаго служилаго сословія и съ исторіею уничтоженія мѣстничества). Таково заявленіе автора о томъ, что кн. Б. А. Голицинъ былъ по интригамъ Нарышкиныхъ „сосланъ въ почетную ссылку: онъ назначенъ судьей Приказа Казанскаго Дворца и тридцать дѣтъ управлять обширными землями бывшихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго (стр. 24-я).“ Предполагая, что назначеніе судьей областнаго приказа—есть ссылка, авторъ выказываетъ очевидное незнакоство съ самимъ понятіемъ приказовъ; онъ очевидно не знаетъ, что областные приказы находились въ Москвѣ; онъ думаетъ, что Приказъ Казанскаго Дворца—находился въ Казани, Сибирскій—въ Сибири, Малороссійскій—въ Малороссіи и т. д. Назначеніе же извѣстнаго лица на правительственный постъ въ столицѣ—никто не рѣшится конечно назвать ссылкой. Я берусь, напротивъ, доказать автору, что упомянутое назначеніе кн. Голицина не было не только ссылкой, но не было вообще наказаніемъ: оно было для него даже отличіемъ. Князь Б. А. Голицинъ назначенъ былъ въ Приказъ Казанскаго Дворца въ 1684 году (послѣ кн. Я. Н. Одоевскаго), и притомъ назначенъ былъ первоприсутствующимъ этого приказа (вторникъ присутствующимъ былъ въ этотъ годъ думный дее-

принимъ В. О. Извольскій (*). Въ теченіи предшествовавшихъ 65 лѣтъ (съ 1619 года, съ этого года это по крайней мѣрѣ достоверно извѣстно), должность первоприсутствующаго Приказа Казанскаго Дворца замѣщалась *исключительно* лицами, находившимися въ высшемъ чинѣ *боярина* (*),—клязь же Б. А. Голицинъ получилъ начальство надъ этимъ важнымъ приказомъ будучи 30 лѣтъ и находясь лишь въ чинѣ *кравчаго* (бояриномъ значится онъ въ записныхъ книгахъ только съ 1692 года) (†): предоставляемъ автору самому судить, на сколько упомянутое имъ назначеніе было не только ссылкою, но хотя бы даже легкимъ наказаніемъ. Изъ только что высказаннаго нами, авторъ можетъ легко видѣть, къ чему можетъ привести стѣнное пользованіе такими устарѣвшими для нашего времени источниками, каковымъ является „Словарь“ Бантышъ—Каменскаго. Перехода къ характеристикамъ родословныхъ людей—участниковъ событій 1730 года, авторъ и здѣсь оставляетъ желать большей тщательности и обдуманности въ выводахъ. Странное впечатлѣніе оставляетъ напр. характеристика самого рыскаго изъ верховниковъ—князя *Дмитрія Михайловича Голицина* (стр. 34-я), занимающая цѣлыя пять страницъ, на которыхъ авторъ приписываетъ ему массу различныхъ качествъ и недостатковъ, нерѣдко въ весьма общихъ выраженіяхъ, не доказывая выставляемыхъ имъ положеній и не указывая тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ они почерпнуты. Нѣсколько страннымъ и вызывающимъ невольную улыбку является здѣсь и сравненіе Д. М. Голицина съ Иваномъ III и Иваномъ Грознымъ потому только, что онъ „былъ очень гордъ и надмененъ, обожалъ власть и не любилъ противорѣчій“. Не менѣе страннымъ представляется и похвѣщеніе авторомъ (на стр. 35-й) *Макиавелли*—въ число корифеевъ европейской мысли первой половины XVIII-го вѣка. Но что особенно поражаетъ читателя въ характеристикѣ Д. М. Голицина—это понятіе автора объ аристократизмѣ „въ лучшемъ

(*) Записки князя Московскаго стола Разряднаго приказа № 32 (листы 1—14) въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.
(†) Записки князя Моск. стола Разряднаго приказа въ 1619 въ 1684 году, въ Моск. Архивѣ Министерства Юстиціи (см. первая глава этой книги, гдѣ описаны списки дѣтскаго воеводы и приказовъ).

(*) Дворецъ Разрядный. IV. ст. 726.



смыслъ этого слова". Заявляя (на стр. 37-й), что Д. М. Голицинъ „былъ аристократъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова“, авторъ вслѣдъ за тѣмъ объясняетъ, почему признаеть онъ за этимъ лицомъ такое качество: „проходя отъ Лвовскаго в. к. Гедимина въ 14-мъ колѣнѣ (оставивъ совершенно лишнимъ и стоящимъ внѣ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ), онъ былъ глубоко убѣжденъ, что аристократическій режимъ есть единственно благодѣтельный для общаго блага Россіи и искренно стремился къ достиженію этого блага“. Не знаю какъ другіе читатели, но я прочелъ это мѣсто съ глубоко—скорбнымъ сознаніемъ, что подобное profession de foi высказано представителемъ русской исторической науки. Г. Корсакову, какъ русскому историкъ, слѣдовало бы знать, что русская земля—государство неаристократическое по самымъ историческимъ условіямъ своей жизни, что аристократіи въ европейскомъ смыслѣ этого слова у насъ никогда не было, нѣтъ и не можетъ быть, потому что въ жизни русскаго народа никогда не было на лицѣ условій, выдвигнувшихъ аристократію въ государствахъ западно—европейскихъ, и что, слѣдовательно, у насъ мыслимъ только „режимъ“ олигархическій, а не „аристократическій“; случайные же успѣхи этого квази—аристократическаго режима никогда не доставляли русской землѣ „общаго блага“, но, напротивъ, всегда заставляли русскій народъ испивать горькую чашу всякаго рода невзгодъ и страданій. Если г. Корсакову уже непремѣнно хочется найти въ родѣ князей Голициныхъ аристократа „въ лучшемъ смыслѣ этого слова“, то я укажу ему не гордеца Дмитрія Михайловича, склоннаго, по собственнымъ словамъ автора, къ тираніи, даже деспотизму“ (см. стр. 182), а страдальца за русскую землю въ эпоху смутнаго времени, князя Василія Васильевича Голицина, глубоко уважавшаго русскій народъ и за него вытерпѣвавшего нѣсколько лѣтъ польскаго вѣдѣна, того самого Голицина, который гордо говорилъ польскимъ панамъ за себя и за все посольство: „отпускали насъ патриархъ и бояре и все люди московскаго государства, а не одни бояре.... а отъ однихъ бы бояре я, князь Василій, и не побѣжалъ“. Какая громадная пропасть между этимъ благороднымъ, честнымъ вельможею, проникнутымъ уваженіемъ и любовью къ своему народу,—въ сравненіи съ „двуличнымъ Янусомъ“ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ, подвѣсудив-

ку задумывающим и выполняющим свои „задачи“, защищающимся тайною и прячущимся за спинами вооруженных солдат (см. стр. 117-ю книги г. Корсакова) въ опасеніи насилій отъ того самаго народа, о благѣ котораго яко—бы печется онъ! Укажемъ въ заключеніе еще одну невѣрность, подмѣченную нами въ характеристикахъ автора „Воцаренія импер. Анны Іоанновны“. Авторъ на стр. 50-й заявляетъ, будто графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ — Пушкинъ происходилъ одъ одного изъ „древнѣйшихъ русскихъ боярскихъ родовъ“ и былъ „бояриномъ царя Алексѣя Михайловича“. И то и другое представляетъ собственный домыселъ автора. Родъ Мусиныхъ—Пушкиныхъ *никогда не былъ боярскимъ*, а самъ Иванъ Алексѣевичъ сказалъ въ бояре (первый въ своемъ родѣ) лишь въ началѣ царствованія Петра I-го; до Ивана Алексѣевича никто изъ предковъ его не бывалъ даже въ околнничихъ⁽¹⁾. Подобная невѣрность тѣмъ менѣе извинительна, что авторъ для характеристики И. А. Мусина—Пушкина пользовался „Родословною Книгою“ изд. кн. Долгорукова, — а здѣсь ни одинъ изъ членовъ этого рода не показанъ ни въ чинѣ боярина, ни въ чинѣ околнничаго. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что генеалогическая часть изслѣдованія Д. А. Корсакова требуетъ тщательной провѣрки; недостатки этой части работы указаны были автору и на диспутѣ, при защитѣ имъ его сочиненія, одинъ промахъ подобнаго рода указанъ былъ и въ цитированной уже нами библиографической замѣткѣ проф. Бестужева—Рюмина, наконецъ два промаха подобнаго рода случайно бросились и намъ въ глаза. Такъ, на стр. 196-й, Д. А. Корсаковъ производитъ родъ князей Борятинскихъ отъ рода князей Черниговскихъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ произошелъ отъ рода князей Тарусскихъ, а на стр. 197-й производитъ родъ князей Шаховскихъ отъ князей Смоленскихъ, между тѣмъ какъ онъ ведетъ свое начало отъ князей Ярославскихъ⁽²⁾.

Третьей ошибкой книги Д. А. Корсакова, — „Характеристика Анны Іоанновны и ея жизни до воцаренія“ (стр. 58—76) — является не отдача справедливости, какъ мастерскому и живому писателю, а то, что онъ не только не признаетъ, но и не замечаетъ, что онъ

(1) См. приложение къ повѣсти „Очеркъ организаціи и провозглашенія русскихъ сословій въ до—Петровской Русіи“.

(2) Тамъ же, стр. 129 и 141.

составленному очерку характера герцогини Курляндской, пребывания ея въ Курляндіи до избранія на російскій престолъ и тѣхъ отношеній, въ которыя была она поставлена въ эту эпоху жизни своей. Но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не сдѣлать замѣчанія относительно того, что въ общемъ ходѣ развитія авторомъ вопроса, избраннаго имъ предметомъ своего изслѣдованія, — эта глава носитъ характеръ вставочный, эпизодическій. Она была-бы необходимою составною частью общей исторіи царствованія Анны Ивановны, такъ какъ приводимыя здѣсь данныя послужили бы къ уясненію послѣдующихъ явленій этого царствованія; въ разбираемомъ же трудѣ Д. А. Корсакова, гдѣ весь центр тяжести лежитъ въ изслѣдованіи однихъ только обстоятельствъ, сопровождавшихъ воцареніе Анны, въ изложеніи которыхъ повѣствованіе автора быстро обрывается 25-мъ числомъ февраля 1730 г., — эта глава лишена существенной связи съ главнымъ предметомъ содержанія. Намъ взглядъ тотъ, что авторъ поступилъ бы цѣлесообразнѣе, ограничившись самою краткою характеристикою Анны Ивановны — на сколько подобная характеристика была бы необходимою для объясненія причинъ избранія Анны Ивановны и ея отношеній къ окружающимъ ее, со дня подписанія ею ограничительныхъ „пунктовъ“ до 25 февраля 1730 года, — дня разорванія послѣднихъ.

Четвертая глава — „Верховники и шляхетство съ 20 января по 2 февраля“ (стр. 77 — 114) — возвращаетъ насъ къ прерванному на первой главѣ прагматическому изложенію событій, воспослѣдовавшихъ послѣ кончины Петра II-го, изложенію, отъ котораго временно отклоняютъ автора предстоящія двѣ главы. Эта глава начинается разсказомъ о томъ, какъ, несмотря на всѣ предосторожности верховниковъ, подробности избранія Анны Ивановны проникли въ различные кружки Московскаго населенія и стали распространяться здѣсь въ извращенномъ видѣ, сдѣлавшись причиною всеобщаго тревожнаго настроенія.

Далѣе слѣдуетъ подробный, исчерпанный безчисленными (по нашему мнѣнію даже излишними) деталями, разсказъ объ отправленіи и побѣдѣ въ Митаву Сунарова; съ порученіемъ отъ Ягужинскаго открыть Аннѣ Іоанновнѣ закулисную сторону вопроса о предложеніи ограничить

ей самодержавіе, причемъ авторъ знакомитъ читателя съ интересными историческими фактами въ родѣ того, что Су-мароковъ нанялъ подводу у Ивана каменщика, причемъ сообщается даже адресъ послѣдняго, что на станціи Грязи онъ пробылъ 3—4 часа, что въ селѣ Черказовѣ онъ нанялъ новаго извозчика и т. п. Затѣмъ разсказывается, что и другія лица отправляли въ Митаву съ тою же цѣлью гонцевъ своихъ, именно Рейнгольдъ Левенвольде и Теофанъ Прокоповичъ. При этомъ авторъ, по своему обыкновенію, прерываетъ нить разсказа для сообщенія біографическихъ подробностей о первомъ изъ этихъ лицъ и объ одномъ изъ русскихъ сторонниковъ Анны Іоанновны — С. А. Салтыковѣ. Здѣсь многорѣчивость автора обнаруживается до крайнихъ предѣловъ. Вся характеристика Левенвольде могла бы быть сдѣлана въ нѣсколькихъ строкахъ, кратко, ясно и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно. Между тѣмъ авторъ отводитъ ей почти двѣ страницы своей книги и за массою ненужныхъ подробностей (о красотѣ, манерахъ и веселости этого лица, объ его успѣхѣ между женщинами и любовныхъ шапкахъ, пристрастіи къ картамъ и кутежу и т. п.) затемняетъ для читателя истинное представленіе (откровенно говоря даже лишнее) объ этомъ незначительномъ выскочкѣ—лифляндцѣ. „Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ“—говоритъ извѣстный афоризмъ; „отъ истинной изящности слога до его банальной окраски еще мѣтѣе разстоянія“—добавимъ мы по поводу характеристики Левенвольде. Дѣйствительно, что сказать много про слѣдующее мѣсто этой характеристики: „Къ нему (Левенвольде) можно приложить слова Евангелія: Горѣ вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что уподобляетесь окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты“. Конечно, никто не можетъ возбранить г. Корсакову дѣлать какія ему угодно сравненія, — но смѣемъ заѣхать его, что данное сравненіе не только не изящно и не литературно, но къ тому же ни сколько не остроумно и не идетъ къ дѣлу. Передавая затѣмъ сущность различныхъ слуховъ, распространенныхъ по отношенію и между лицами дипломатическаго корпуса, относительно избранія Анны Іоанновны и записавъ, наконецъ, авторъ слова рисуетъ картину современнаго настроенія, умовъ и начинающагося либеральскаго движенія.

Въ этой части своего труда, авторъ является весьма непосредственнымъ. Мы уже знаемъ, что Д. А. Корсаковъ, въ введеніи къ своему труду, вслѣдъ за г. Карновичемъ, стремится снять съ верховниковъ обвиненіе ихъ въ олигархическихъ замыслахъ. Теперь же онъ какъ-бы склоняется къ мысли о томъ, что верховники не чужды были подобныхъ замысловъ и на стр. 87-й уже и самъ, нисколько не обинуясь, рѣшается говорить объ „общемъ недовольствѣ на олигархическіе замыслы“ верховниковъ. И дѣйствительно, въ этой части своего труда г. Корсакову больше ничего не остается дѣлать, какъ примирять свою предвзятую мысль объ отсутствіи въ средѣ верховниковъ олигархическихъ замысловъ съ приводимыми имъ же самими свидѣтельствами современниковъ о томъ, что именно эти то олигархическіе замыслы и были причиною всеобщаго тревожнаго настроенія. Дѣйствительно, Теофанъ Прокоповичъ говорить, что верховники имѣли въ виду ввести не тотъ образъ правленія, который „можетъ назваться владѣтельствомъ избранныхъ, гречески аристократія, но развѣ скономическая тиранія или насильство, которая олиархія у еллиновъ именуется“, что верховникамъ даже и самимъ „нельзя быть долго съ собою въ согласіи: сколько ихъ есть человекъ, тутъ ли не только явится атамановъ междоусобныхъ браней“, что всѣ жестоко порицали ихъ „необычное дерзновеніе, несмытое лакомство и властолюбіе“, ожидая отъ осуществленія замысловъ верховниковъ „крайняго всему отечеству бѣдства“, равнымъ образомъ и самсонскій посланникъ Лефортъ доносилъ своему правительству, что причиною недовольства шляхетства замыслами верховниковъ является опасеніе „что со временемъ вмѣсто одного государя явится столько тирановъ, сколько членовъ въ Совѣтѣ“. Страннымъ представляется, что Д. А. Корсаковъ, не смотря на такіа ясныя указанія на всеобщій страхъ передъ олигархическими стремленіями верховниковъ, не смотря на то, что въ рассматриваемой нами главѣ такъ близко подходитъ къ выводу объ олигархическомъ характерѣ замысловъ верховниковъ — и въ началѣ своего труда, во введеніи, и въ самомъ концѣ его, въ заключительной главѣ — усиленно доказываетъ вопы въ защиту чистоты и безкорыстности побужденій ихъ въ дѣлѣ воцаренія Анны Іоанновны. Рисуя картину движенія, возбужденнаго въ кружкахъ генералитета и шляхетства, Д. А. Кор-

саконъ на стр. 89-й заявляетъ, что „люди родословные мечтали о восстановленіи правъ Московскаго боярства“, а на стр. 103-й говоритъ, что „всѣ иностранные послы смотрѣли на эти явленія (замыслы верховниковъ и шляхетское движеніе)... какъ на желаніе старой русской партіи — возвратиться къ прежнему московскому варварскому порядку вещей“. Такимъ образомъ мы видимъ, что самая логическая послѣдовательность изложенія влекла г. Корсакова къ расширенію исторической подкладки его изслѣдованія, къ изложенію исторіи воцаренія Анны Іоанновны въ связи съ предшествовавшею исторіею русской государственной жизни—по автору, какъ мы уже выше видѣли, упорно воздерживается отъ подобнаго пріема.

Сдѣлавъ затѣмъ перечисленіе различныхъ претендентовъ на русскій престолъ, сравнительную, довольно обстоятельную, оцѣнку доводовъ за и противъ избранія ихъ и, наконецъ, представивъ картину впечатлѣнія, произведеннаго избраніемъ Анны Іоанновны, Д. А. Корсаковъ излагаетъ очеркъ дѣятельности Верх. Тайнаго Совѣта съ 20 января по 2 февраля.

Таково содержаніе IV-ой главы книги Д. А. Корсакова. Вникая въ представляемый ею матеріалъ и сопоставляя его съ матеріаломъ, даваемымъ трудами прежнихъ изслѣдователей того же вопроса, — нужно сознаться, что она не вноситъ ничего новаго въ исторію воцаренія Анны Іоанновны, кромѣ развѣ незначительныхъ, часто даже мелочныхъ, подробностей, нисколько не способныхъ возвысить заслугу автора въ сравненіи съ его предшественниками. Что касается самаго изложенія этой главы—оно въ высшей степени сбивчивое, перепутанное и непослѣдовательное. Авторъ какъ-бы теряется въ массѣ собранныхъ имъ фактовъ, бросается отъ одной группы фактовъ къ другой (такъ напримѣръ, онъ въ трехъ мѣстахъ этой главы отдѣльно распространяется о тревожномъ состояніи общества подъ впечатлѣніемъ замысловъ верховниковъ) и связываетъ эти факты на живую нитку, мало заботясь объ ихъ взаимной связи. Въ результатъ — получается масса фактовъ, разговоровъ, біографическихъ свѣдѣній, выписокъ изъ „Сказанія“ Ѳ. Протопопова, денетъ иностранныхъ резидентовъ и выписокъ изъ протоколовъ В. Т. Совѣта (изъ которыхъ нѣкоторые да-

же не идутъ къ дѣлу) — въ которыхъ, вслѣдствіе отсутствія внутренней логической связи и руководящей идеи — невольно теряется читатель. Разсмотрѣнная глава болѣе приближается къ черновой собранію матеріала, нежели къ обработанному отдѣлу историческаго изслѣдованія.

Пятая глава сочиненія Д. А. Корсакова (стр. 114—145) излагаетъ событія, имѣвшія мѣсто съ 2-го по 10-е февраля 1730 года. Тщетно сталъ бы читатель искать здѣсь чего либо существенно новаго сравнительно съ изложеніемъ тѣхъ же событій въ XIX-мъ томѣ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева (стр. 251 и слѣд.), а также въ статьяхъ гг. Карновича и Щербальскаго; поэтому мы и считаемъ лишнимъ болѣе или менѣе продолжительное время останавливаться на этой части изложенія автора. Остановимся впрочемъ на одномъ противорѣчій между изложеніемъ С. М. Соловьева и Д. А. Корсакова. С. М. Соловьевъ, имѣвшій въ государственномъ архивѣ подъ руками тѣ же матеріалы, которыми пользовался и Д. А. Корсаковъ, утверждаетъ, что торжественное засѣданіе В. Т. Совѣта, въ которомъ провозглашены были письма изъ Митавы Анны Іоанновны и подписанные ею пункты, имѣло мѣсто 3-го февраля, — что 2-го февраля разослана была отъ В. Т. Совѣта повѣстка, приглашавшая сенатъ, синодъ и генералитетъ пожаловать въ засѣданіе „на другой день“. По изложенію Д. А. Корсакова оказывается, что это торжественное засѣданіе происходило 2-го февраля. Автору „Воцаренія импер. Анны Іоанновны“ не мѣшало бы высказать читателямъ причину этого противорѣчія, — гдѣ личность покойнаго Соловьева на столько уважаема и авторитетна въ ученномъ мірѣ, что, становясь въ противорѣчіе съ его показаніями, необходимо убѣдительно доказывать ошибочность послѣднихъ, если только въ данномъ случаѣ покойный историкъ дѣйствительно впалъ въ заблужденіе относительно дня разсматриваемаго засѣданія.

Подобное же противорѣчіе находимъ мы у обоихъ авторовъ и по отношенію ко дню засѣданія В. Т. Совѣта, въ которомъ опредѣлена была форма титула новой императрицы. С. М. Соловьевъ, цитируя при этомъ Полное Собр. Законовъ, относитъ его къ 5-му февраля; Д. А. Корсаковъ, опять таки не давая себѣ труда приписать свое изложеніе съ изложеніемъ проф. Соловьева, — приурочиваетъ его къ 4-му февраля (см. стр. 132-ю).

Представивъ подробное изложеніе общезвѣстныхъ подробностей засѣданія В. Т. Совѣта 2—3 февраля (авторъ ставитъ насъ въ положительное недоумѣніе, кому вѣрить—ему или С. М. Соловьеву)—г. Корсаковъ весьма обстоятельно прослѣживаетъ всю дѣятельность В. Т. Совѣта въ послѣдующую недѣлю, задавшись при этомъ цѣлью отмѣтить рядъ безтактныхъ и опрометчивыхъ поступковъ его, ставшихъ въ провинорѣчіе съ самыми основами первоначальныхъ плановъ верховниковъ и подготовившихъ противникамъ ихъ изъ генералитета и шляхетства успѣшную почву для послѣдующей борьбы. Здѣсь мы не можемъ не замѣтить, что неумѣлость и безтактность дѣйствій верховниковъ слишкомъ слабо очерчены авторомъ; относящіеся сюда отдѣльные факты слишкомъ расплываются въ массѣ деталей; автору слѣдовало сконцентрировать эти факты, выдѣлить ихъ изъ подъ гнетущаго балласта различнаго рода мелочей, освѣтить ихъ въ общей картинѣ и указать болѣе рельефнымъ образомъ вліяніе ихъ на послѣдующія февральскія событія. Тогда читатель былъ бы болѣе подготовленъ въ воспріятію дальнѣйшаго изложенія Д. А. Корсакова.

Шестая глава „Воцаренія императрицы Анны Іоанновны“ (стр. 146—188) имѣетъ своею задачею разсмотрѣніе проектовъ и мнѣній, поданныхъ шляхетствомъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, плана государственныхъ реформъ князя Д. М. Голицина и пунктовъ присяги вновь избранной императрицѣ. Эту главу слѣдуетъ считать лучшимъ отдѣломъ сочиненія Д. А. Корсакова по фактическому ея изложенію, но она опять таки страдаетъ недостатками въ тѣхъ своихъ частяхъ, гдѣ авторъ стремится обобщать приводимые имъ факты и дѣлать изъ нихъ самостоятельные выводы. Изложеніе Д. А. Корсаковымъ шляхетскихъ проектовъ и пунктовъ присяги, въ той полнотѣ, въ которой мы его находимъ въ „Воцареніи Анны Іоанновны“—является впервые въ русской исторической литературѣ. Нѣкоторые шляхетскіе проекты были, правда, напечатаны еще раньше, напр. въ „Памятникахъ новой русской исторіи“ изд. Кашировымъ и въ „Сборникѣ историческихъ матеріаловъ и пр.“ изд. М. Михайловичъ, а пункты присяги, въ сокращенномъ видѣ, излагаются въ XIX т. „Исторіи Россіи“ Соловьева (стр. 257—259); но Д. А. Корсакову принадлежитъ честь обстоятельнаго и полнаго изложенія, какъ всѣхъ дошедшихъ до нашихъ дней двѣнадцати шляхетскихъ проек-

товъ и мѣнѣй, такъ и пунктовъ присяги,—изложенія основаннаго на подлинникахъ, разсмотрѣнныхъ авторомъ въ Государственномъ Архивѣ. Сверхъ изложенія шляхетскихъ проектовъ и пунктовъ присяги въ текстъ своего сочиненія, Д. А. Корсаковъ, въ приложеніяхъ къ нему, воспроизводитъ текстъ двухъ доселѣ въ подлинникахъ неизвѣстныхъ проектовъ, указываетъ фамиліи лицъ, подписавшихся подъ отдѣльными проектами и представляетъ сличеніе между собою всѣхъ списковъ пунктовъ присяги съ шляхетскими проектами. Не довольствуясь простымъ изложеніемъ всѣхъ двѣнадцати проектовъ шляхетства, г. Корсаковъ дѣлаетъ на стр. 175—178 попытку представить, на основаніи всѣхъ этихъ проектовъ, сводную программу предположеній и мѣнѣй, въ нихъ изложенныхъ.

Въ началѣ шестой главы авторъ высказываетъ мнѣніе, прямо противорѣчащее мыслямъ, раньше высказанныхъ имъ на стр. 89—90,—мнѣніе, будто дошедшіе до насъ двѣнадцать шляхетскихъ проектовъ выражаютъ въ себѣ „политическое умоначертаніе русскаго шляхетства первой половины XVIII-го вѣка“ и будто шляхетство это было „проникнуто сознаніемъ необходимости расширить кругъ государственныхъ реформъ“. При разсмотрѣніи введенія къ книгѣ г. Корсакова, имѣли мы уже случай оспаривать этотъ взглядъ автора и представить наше собственное воззрѣніе на значеніе такъ называемыхъ шляхетскихъ проектовъ, — поэтому въ настоящее время мы укажемъ лишь одну неточность, допущенную авторомъ и являющуюся результатомъ свойственнаго ему пріема вводить въ свое изложеніе эффектныя фразы, не вдумываясь въ то, насколько согласуются онѣ съ историческою истинною. На стр. 147 авторъ заявляетъ, что въ шляхетскомъ движеніи, наряду съ Рюриковичами, Гединовичами и потомками выѣзжихъ родовъ, принимали участіе и представители „старинныхъ служилыхъ родовъ изъ удѣльныхъ княжествъ рязанскаго, московскаго, тверскаго и др.“; подобное же указаніе на „старинныхъ бояръ князей рязанскихъ, тверскихъ, ростовскихъ и др.“ — даетъ авторъ и на стр. 189-й своей книги. Я убѣдительно прошу бы автора указать мнѣ, ~~какіе именно шляхтичи~~ ~~половины XVIII-го в. являются~~ ~~потомками старинныхъ служилыхъ~~, да ~~добавить~~ ~~еще боярскихъ родовъ изъ удѣльныхъ княжествъ~~; а ~~специально занимался генеалогіею русскихъ служилыхъ родовъ и, несмотря на всѣ ста-~~

ранія, не могъ найти фактовъ, которые оправдывали-бы слова Д. А. Корсакова. Правда, Д. А. Корсаковъ указываетъ въ другомъ мѣстѣ своего труда на фамилію Измайловыхъ; я, съ своей стороны укажу на фамилію Гуминцевыхъ, — но дѣлать такое значительное обобщеніе изъ двухъ-трехъ фактовъ — приемъ нетерпимый въ исторической наукѣ. Разсматривая проектъ, поданный кн. Черкасскимъ и составленный извѣстнымъ историкомъ XVIII-го вѣка В. П. Татищевымъ — авторъ подробно излагаетъ соображенія, представленныя Татищевымъ по отдѣльнымъ вопросамъ, затрогиваемымъ проектомъ. Здѣсь составитель проекта, доказывая историческими фактами непригодность для Россіи аристократической формы государственнаго строя — перечисляетъ отдѣльными попытками ограничить самодержавіе, имѣвпія мѣсто въ XVI—XVII вѣкахъ и прямо уподобляетъ „затѣйку“ верховниковъ 1730 года попыткѣ московскихъ бояръ 1606 года. Отмѣчаемъ этотъ фактъ, какъ доказательство того, что еще въ 1730 году высказывалась мысль о связи событій этого года съ явленіями Московской Руси, — мысль которую въ 1880 году такъ упорно и послѣдовательно обходитъ авторъ „Вопрашенія императрицы Анны Іоанновны“. Нельзя не отмѣтить наконецъ и крайней шаткости и непослѣдовательности выводовъ автора при сопоставленіи имъ проекта политическаго устройства кн. Д. М. Голицина съ шляхетскими проектами. Мы не останавлимся на недостаткахъ этой части изложенія Д. А. Корсакова, такъ какъ они подробно указаны въ одной изъ недавно вышедшихъ рецензій „Вопрашенія импер. Анны Іоанновны“ (см. Историческій Вѣстникъ 1881, № 1-й).

Седьмая глава сочиненія Д. А. Корсакова — „Главнѣйшіе участники шляхетскихъ проектовъ“ (стр. 189—239) — ставитъ въ недоумѣніе относительно своей умѣстности въ общей системѣ разсматриваемаго сочиненія. Цѣль этой главы — представить характеристики наиболѣе выдающихся личностей, фигурирующихъ въ шляхетскихъ проектахъ и имѣвшихъ въ началѣ этой главы авторъ обѣщаетъ остановиться подробно на всѣхъ этихъ личностяхъ, — и болѣе нежели успѣшно выполняетъ данное имъ обѣщаніе: всю седьмую главу своего труда, около 50 страницъ, обращаетъ онъ въ какой-то биографическій словарь весьма сомнительнаго качества, гдѣ вмѣсто характеристикъ лицъ, участвовавшихъ въ шляхетскихъ докладахъ, мы находимъ наипрѣдѣ послуж-

ные списки и изложение семейных и родовых отношений 76 представителей шляхетских родов первой половины XVIII-го вѣка. Помѣщенныя здѣсь свѣдѣнія представляются болѣею частью до такой степени мелочными и мало способствующими выполнению задачи, имѣвшейся у автора въ виду, что по прочтеніи всей этой главы у читателя образуется въ памяти какой-то хаосъ имѣть собственныхъ, годовъ, родственныхъ отношений тѣхъ или другихъ лицъ, указаній на различные служебные посты, походы, посольства и т. н., безъ всякаго ключа къ уразумѣнію всего этого матеріала, — если только можно дать послѣднее названіе всей этой массѣ мелочныхъ и случайныхъ свѣдѣній. Авторъ не ограничивается „характеристиками“, даваемыми имъ въ разсматриваемой главѣ его сочиненія; огромную массу подобныхъ же quasi — характеристикъ найдемъ мы и въ приложеніяхъ къ „Вопаренію импер. Анны Іоанновны“, при исчисленіи лицъ, подписывавшихся подъ различными шляхетскими проектами. Не дурно сдѣлалъ бы авторъ, отвѣдя мѣсто въ этихъ приложеніяхъ и добрымъ двумъ третямъ всего содержанія седьмой главы своего сочиненія, въ которой онъ принимаютъ характеръ лишняго баласта, подавляющаго собою цѣлостное впечатлѣніе книги. Мы увѣрены, что каждый читатель, одолѣвъ седьмую главу книги, не приобрететъ никакихъ новыхъ взглядовъ на значеніе шляхетскаго движенія и шляхетскихъ проектовъ, но вынесетъ лишь чувство величайшаго утомленія и невольнаго удивленія къ охотѣ автора производить такіа чудовищныя затраты непроизводительнаго труда, въ ущербъ другимъ, болѣе научнымъ вопросамъ, выдвигаемымъ теми же событіями 1730 года.

Восьмая глава книги Д. А. Корсакова (стр. 240—267) описываетъ событія, имѣвшія мѣсто въ Москвѣ съ 10-го по 25-ое февраля 1730 года, т. е., прибытіе и пятнадцатое пребываніе Анны Іоанновны въ подмосковномъ селѣ Всесвятскомъ, представленіе ей здѣсь верховниковъ, сенаторовъ и лицъ изъ генералитета и шляхетства, торжественный въѣздъ императрицы въ Москву и принесеніе ей присяги, попытка къ соглашенію плавовъ верховниковъ съ шляхетскими проектами и наконецъ дѣятельность сторонниковъ Анны Іоанновны, подготовившую 25-е февраля день поднесенія императрицѣ полнаго самодержавія. Постепенный ходъ всѣхъ этихъ событій налагается и предшество-

никами Д. А. Корсакова, въ особенности же подробно и рельефно налагають его покойный С. М. Соловьевъ въ XIX томѣ своей „Исторіи Россіи“ (см. стр. 259—266) и г. Пёбальскій (Рус. Вѣст. 1869 г. т. XIX). Кромѣ нѣкоторыхъ мелочныхъ деталей, почерпнутыхъ изъ журналовъ В. Т. Совѣта — у Д. А. Корсакова въ разсматриваемой главѣ его сочиненія существенно-новымъ является лишь рѣчь Д. М. Голицина при встрѣчѣ императрицы въ с. Всесвятскомъ и отвѣтъ на нее, императрицы, излагаемые на основаніи депеши датскаго посланника Вестфалена отъ 2-го марта, текстъ присяги Аннѣ Иоанновнѣ (бывшій доселѣ извѣстнымъ лишь по переводамъ въ нѣмецкихъ изданіяхъ) и черновой набросокъ примирительнаго мнѣнія кн. В. Л. Долгорукаго. Но, съ другой стороны, нельзя не отмѣтить въ изложеніи Д. А. Корсакова и пропуска нѣкоторыхъ фактовъ, приводимыхъ С. М. Соловьевымъ. Сюда относится, напримѣръ, подробность объ уточеніи императрицею кавалергардовъ въ с. Всесвятскомъ (подробность конечно мелочная, но весьма характерная, во всякомъ случаѣ болѣе характерная, нежели подробность о выборѣ Д. М. Голициннымъ соболей для императрицы) или весьма характерная подробность поднесенія императрицѣ ордена Св. Андрея Первозваннаго, при которомъ Анна Иоанновна замѣчаніемъ о томъ, что она „забыла надѣтъ“ этотъ орденъ — дала понять верховникамъ, что ей не нравится поднесеніе его ей отъ лица В. Т. Совѣта, почему она и не допустила возложенія на себя этого ордена кѣмъ либо изъ верховниковъ. Далѣе у Д. А. Корсакова болѣе кратко, сравнительно съ С. М. Соловьевымъ, описывается интересное препирательство въ Успенскомъ соборѣ (еофана Прокоповича и его сторонниковъ съ одной стороны, и верховниковъ съ другой стороны, изъ за формы присяги, — и совершенно упущена поданная еофаномъ Прокоповичемъ на письмѣ (такъ, какъ его не допустили устно провозвести ее) притѣсненная рѣчь императрицѣ. Не приводитъ Д. А. Корсаковъ и сообщаемого С. М. Соловьевымъ интереснаго разсказа бригадiera Козлова (сторонника верховниковъ) о современиыхъ военныхъ происшествіяхъ, о „бездѣлкахъ“, мнѣніяхъ дѣлающихъ верховниковъ, и до главѣ дхъ о князѣ Черкасскомъ, о предложеніи запрещеніи императрицѣ допускать кого либо ко двору безъ разрѣшенія В. Т. Совѣта.

та, о томъ, что признаніе Анны Іоанновны императрицею есть лишь „помазка по губамъ“ и т. п. Умалчивается Д. А. Корсаковъ и о ходившемъ по Москвѣ слухѣ, будто бы верховники, видя всеобщее неудовольствіе противъ нихъ, хотѣли сами поднести Аннѣ Іоанновнѣ самодержавіе, но императрица гордо отвергла это предположеніе, заявивъ, что для нее „мало получить самодержавіе отъ осьми персонъ“. Далѣе, на стр. 249-й, приводя текстъ соглашенія между верховниками и нѣкоторыми лицами изъ шляхетства — Д. А. Корсаковъ печатаетъ его безъ конца, заявивъ что „въ подлинной черновой нѣтъ конца“. Между тѣмъ у С. М. Соловьева (стр. 257-я) актъ этотъ напечатанъ въ цѣломъ видѣ и г. Корсакову не грѣшно было-бы донепечатать недостающія три строчки, — такъ какъ не заподозрить же онъ конечно въ фальсификаціи память покойнаго исторіографа, — или же представить какія либо объясненія этого дефекта воспроизведеннаго имъ акта (*).

Переходя къ описанію происходившей въ описываемое время пропаганды Остермановскаго замысла о возвращеніи Аннѣ Іоанновнѣ самодержавія, Д. А. Корсаковъ, слѣдуя излюбленному имъ приему, снова прерываетъ нить своего повѣствованія для представленія „характеристикъ“ наиболее усердныхъ адептовъ этого замысла. Къ относящимся сюда десяти характеристикамъ, — не выключая и характеристики „совершенно неизвѣстнаго банальнаго гвардейскаго офицера, но вполне русскаго человѣка“, графа Ѳ. А. Матвѣева, — вполне приложимо все то, что было высказано нами и о характеристикахъ, встрѣчавшихся намъ въ предшествовавшихъ главахъ „Воцаренія импер. Анны Іоанновны“.

Десятая глава „Воцаренія импер. Анны Іоанновны“ содержитъ въ себѣ описаніе происшествій 25-го февраля, — дня возвращенія императрицѣ полнаго содержанія, — дня, явившагося развязкою событій, разыгрывавшихся въ продолженіи предшествовавшихъ пяти недель. Существенно-новымъ, сравнительно съ „Исторіею Россіи“ Соловьева, является здѣсь подробный разсказъ на стр. 269-й, на основаніи депешъ Вост-

— (*) Это повѣчанье вполнѣ; но мы дѣлаемъ подобный упрекъ автору въ виду той, доходящей до импрессионности, тщательности, съ какою онъ разсказываетъ о событіяхъ, связанныхъ съ исторіею императрицы.

фамена, о дѣйствіяхъ кн. Черкаскаго и 150 странниковъ его въ Кремлевскомъ дворцѣ, передъ представленіемъ ими императрицѣ первой челобитной. Дальнѣйшее изложеніе Д. А. Корсакова не вноситъ въ исторію 25-го февраля ничего новаго сравнительно, съ его предшественниками—г. Щебальскимъ и проф. Соловьевымъ.

Разсматриваемая глава заканчивается,—какъ и изложеніе событій 1730 года у гг. Щебальскаго и Соловьева,—описаніемъ сѣвернаго сіянія вечера 25-го февраля и извѣстными пророческими словами князя Д. М. Голлицина.

Десятая глава изслѣдованія Д. А. Корсакова (стр. 279—303)—глава заключительная — имѣетъ задачею представить общіе выводы изъ всего предшествовавшаго изложенія, имѣетъ въ виду представить историческую оцѣнку событій воцаренія императрицы Анны Ивановны. Слѣдовательно, это глава, въ которой мы должны искать строго-сформулированныхъ возрѣній автора на историческое значеніе этихъ событій. Имѣя въ виду эту послѣднюю цѣль, авторъ ставитъ себѣ на разрѣшеніе слѣдующіе четыре вопроса: а) изъ какихъ источниковъ черпали верховники и шляхтичи тѣ идеи, которыя они высказывали въ своихъ политическихъ планахъ и проектахъ? б) въ чемъ заключались ихъ стремленія? в) каковы были причины неудачъ, которыя имъ пришлось испытать? г) каковы были результаты, къ которымъ стремились? и д) изъ какихъ результатовъ привело провозглашеніе Анны Ивановны самодержавіемъ, уничтожившее замыслы верховниковъ и шляхетства?

Посмотримъ теперь, какъ разрѣшаетъ авторъ „Воцаренія импер. Анны Ивановны“ всѣ эти вопросы.

1. Всѣ „разнообразныя вліянія“, подъ которыми сложились возрѣнія верховниковъ и участниковъ шляхетскихъ проектовъ, могутъ быть, по мнѣнію автора, подведены подъ двѣ главныя рубрики: 1) *традиція родословности*, заставлявшая родословныхъ людей идеализировать политическій бытъ московской до—Петровской Руси“ и 2) *вліяніе западно-европейское*, выразившееся въ примѣрахъ государственнаго строя западно-европейскихъ государствъ и въ чтеніи историческихъ и политическихъ сочиненій. На первомъ изъ этихъ вліяній—*„традиція родословности“*—авторъ въ настоящей главѣ не останавливается, отсылая читателя къ началу второй главы, гдѣ разсмотрѣна „идея политическая роль“ князей „Дол-

горукихъ и Голицыныхъ. Мы уже видѣли изъ разбора второй главы, что авторъ и не думалъ указывать въ ней какихъ-либо идеаловъ и политическихъ стремленій родословныхъ людей Московской Руси, ограничившись лишь сообщеніемъ кое-какихъ біографическихъ данныхъ относительно десяти Голицыныхъ и Долгорукихъ XVI—XVII-го вѣковъ. Слѣдовательно, вопросъ о вліяніи „традицій родословности“ (которыя должны быть отождествляемы, какъ выше уже изложено, съ политическими стремленіями московскаго боярства, ставящими событіе 1730 г. въ историческую связь съ явленіями Московской государственной жизни) не только ни на одну іоту не подвинуть въ „Водареніи импер. Анны Іоанновны“, сравнительно съ предшественниками Д. А. Корсакова, но, напротивъ, стоитъ въ изложеніи послѣдняго ниже уровня данныхъ, представляемыхъ по отношенію къ нему русскою историческою литературою. А такъ какъ родословные люди являются главными, активными, дѣятелями событій 1730-го года, то отсюда ясно, что основной историческій факторъ этихъ событій—совершенно неразработанъ въ книгѣ г. Корсакова, вмѣняется въ этой книгѣ „ни во что же, якоже и не быть“.

Если авторъ „Водаренія импер. Анны Іоанновны“ обобщить вопросъ объ историческихъ причинахъ событія 1730-го года, коренившихся въ явленіяхъ предшествовавшей государственной жизни русской,—то за то съ большею подробностью останавливается онъ на вліяніи западно-европейскомъ, которое сводится: а) къ примѣру государственнаго строя западно-европейскихъ государствъ и, главнымъ образомъ, Швеціи и Польши, и б) къ вліянію переводовъ произведеній западно-европейской политической литературы и различныхъ рукописныхъ компіляцій хронографическаго характера. Если мы раскроемъ не разъ уже цитированныя нами статьи г. Карновича (Отеч. Зап. 1872 г. № 1, стр. 224—227, 232—233) и г. Щербальскаго (Рус. Вѣстн. 1859 г., т. XIX, стр. 61—63),—то придемъ къ убѣжденію въ томъ, что, въ этой части своихъ общихъ заключительныхъ выводовъ, Д. А. Корсаковъ не можетъ похвалиться оригинальностью и самостоятельностью, повторяя мысли, высказанныя обоими названными авторами; изъ самостоятельной работы автора въ предѣлахъ рассматриваемаго вопроса можно лишь отмѣтить сопоставленіе шведской конституціи 1719—1720 гг. и кон-

дипціями 1730 года и политическимъ планомъ кн. Д. М. Голицина, сопоставленіе, на основаніи котораго авторъ приходить къ „весьма вѣроятному предположенію“ о *заимствованіи* кн. Голициннымъ изъ первой его политической программы. Нельзя впрочемъ никакимъ образомъ согласиться съ авторомъ въ одномъ изъ его положеній, въ разсматриваемой части труда,— будто политическіе порядки Польши „издавна пользовались симпатіей бояръ Московскихъ.“ Нельзя также не почестъ совершенно излишнимъ подробное изложеніе авторомъ на восьми почти страницахъ его труда (стр. 286—293) содержанія различныхъ переводовъ и компиляцій политико-историко-географическаго содержанія, обращавшихся у насъ въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія; лица, имѣющія достаточную историческую подготовку или знакомыя съ составомъ старинныхъ русскихъ библиотекъ — и такъ знаютъ характеръ подобнаго рода произведеній, а остальные читатели конечно и на слово могли бы повѣрить г. Корсакову, что указанныя имъ произведенія дѣйствительно въ состояніи были до извѣстной степени знакомить читающую публику первой половинѣ XVIII-го вѣка съ состояніемъ современныхъ западно-европейскихъ государствъ.

II. Приступая къ разсмотрѣнію втораго изъ намѣченыхъ имъ вопросовъ— „*въ чемъ заключались стремленія верховниковъ?*“, — Д. А. Корсаковъ заявляетъ, что этотъ вопросъ „по отношенію къ верховникамъ, повидимому, уже рѣшенъ учеными и публикой; что касается до стремленій шляхетства, то они не разъяснены должнымъ образомъ. Верховники дѣйствовали изъ своекорыстныхъ цѣлей, желая ради своихъ эгоистическихъ побужденій ограничить власть Анны Іоанновны—таково ходячее мнѣніе, ставшее общимъ мѣстомъ“. Не соглашаясь съ этимъ рѣшеніемъ „ученыхъ и публики“, авторъ ставитъ своею задачею оправданіе верховниковъ отъ обвиненія въ олигархическихъ стремленіяхъ и разъясненіе „должнымъ образомъ“ сущности стремленій шляхетства.

Стремясь доказать отсутствіе у верховниковъ олигархическихъ стремленій, Д. А. Корсаковъ указываетъ, во первыхъ, что извѣстныя слова верховниковъ о необходимости „*себя полагать*“, „*себя воли прибавить*“—объясняютъ обыкновенно въ томъ смыслѣ, будто верховники намѣревались подменить собою всѣ остальные общественныя классы, съ чѣмъ авторъ „Вопросы“ никакъ не согласенъ. Анны Іоанновны, не считаясь возмож-

нимъ согласиться, хотя самъ же авторъ на страницѣ 296-й, — одною страницею ниже разнѣваемой имъ защиты верховниковъ отъ обвиненій въ олигархизмѣ, — заявляетъ, что кн. Д. М. Голицинъ „хотѣлъ одинъ дѣйствовать за всѣхъ“, хотѣлъ „*смыслъ подчинить своей власти*“, считалъ своихъ противниковъ (т. е. всѣхъ противниковъ замысловъ верховниковъ) за „толпу, которой онъ можетъ руководить и *командовать по произволу*“. Это желаніе всѣхъ подчинить власти восьми лицъ, это стремленіе дѣйствовать за всѣхъ, эта страсть командовать всѣми по произволу — не являются ли признаками именно олигархическихъ взглядовъ на вещи? Затѣмъ, заявивъ на стр. 182-й, что политическій планъ кн. Д. М. Голицина ставитъ преобладаніе власти „немногихъ знатнѣйшихъ фамилій“, что въ этомъ планѣ выразилась склонность этого верховника къ „тираніи и деспотизму“, — г. Корсаковъ на стр. 294-й рѣшается увѣрять, что этотъ же самый планъ „не заключаетъ въ себѣ олигархическихъ тенденцій“. Если бы покойные верховники могли воскреснуть — врядъ ли поблагодарили бы они г. Корсакова за такую защиту, напоминающую разглагольствованія неопытнаго адвоката, дающаго въ руки прокуратуры доводы, становящіеся новымъ орудіемъ для обвиненія. Вообще, защищая своихъ верховниковъ, Д. А. Корсаковъ выказываетъ страшную непослѣдовательность и шаткость воззрѣній на событія 1730 года. Онъ задался цѣлью во что-бы то ни стало спасти верховниковъ отъ обвиненія въ олигархизмѣ, — или изъ дѣйствительнаго пристрастія къ родамъ князей Долгорукихъ и Голициныхъ, историкомъ которыхъ состоятъ онъ уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, или же изъ желанія ввести оригинальное направленіе въ свой историческій трудъ (да и то не оригинальное, такъ какъ г. Карновичъ его предшественникъ въ этомъ отношеніи); и вотъ въ своемъ введеніи и въ заключеніи, гдѣ можно разглагольствовать не становясь на почву непосредственнаго столкновенія съ фактами, — г. Корсаковъ настаиваетъ на томъ, что верховники не были и не хотѣли быть олигархами, въ тѣхъ же главахъ, при изложеніи которыхъ вокругъ автора тѣснятся неумолчимые исторические факты, не укладывающіеся въ заранее намѣченные имъ рамки, — у автора, быть можетъ вопреки его собственной волѣ, проскальзываютъ вовсе не двусмысленныя воззрѣнія, весьма тѣсно граничащія съ признаніемъ у верховниковъ „олигархическихъ тенденцій“. Эти случаи пресловѣ-

заюція воззрѣнія до того не двусмысленны, что одинъ изъ рецензентовъ „Воцаренія импер. Анны Іоанновны“ силится весьма серьезнымъ образомъ—обвинять Д. М. Голицина въ олигархизмѣ?—нѣтъ!, спасти этого верховника отъ обвиненія его въ олигархизмѣ со стороны... самого Д. А. Корсакова (!), категорически заявляя при этомъ что „очевидно, г. Корсаковъ придерживается общеприпятаго мнѣнія, что Голицинъ былъ олигархъ“!! Да и въ самомъ дѣлѣ, кого не поставитъ г. Корсаковъ въ туникъ своимъ отрицаніемъ въ началѣ и въ концѣ книги олигархическихъ стремленій у кн. Д. М. Голицина „со други“ его, и затѣмъ заявленіями, въ различныхъ мѣстахъ своей книги, о томъ, что верховники явились 19-го января „какимъ то самозванымъ учредительнымъ собраніемъ“ (стр. 9-я), что князь Д. М. Голицинъ „не разъ ставилъ свои частные интересы выше интересовъ общественныхъ,“ что онъ „былъ чрезмерно гордъ и надменъ, обожалъ власть болѣе всего на свѣтѣ и не перепосилъ противорѣчій“ (стр. 35-я), что онъ былъ убѣжденъ, будто „аристократическій режимъ есть единственно благотворный для общаго блага Россіи“ (стр. 37-я), что Осифъ Прокоповичъ передаетъ общее неодовольство на „олигархическіе замыслы“ верховниковъ (стр. 87-я), что планъ кн. Голицина „ограничиваетъ шляхетское большинство властью немногихъ знаменитѣйшихъ бояръ“, что самъ кн. Голицинъ имѣлъ „склонность къ тирани, даже деспотизму“ (стр. 182-я) и т. п. Исно что авторъ, самъ того не сознавая, не отрицаетъ у верховниковъ тѣхъ сторонъ ихъ стремленій, которыя и являются характерными для понятія олигархіи,—что онъ возстаетъ только противъ самого выраженія „олигархія“, что онъ возстаетъ не противъ самой сущности понятія, но противъ пустого звука, его выражающаго. Считаемо при этомъ не лишнимъ указать и на то любопытное явленіе, что въ своемъ „Отчетѣ о занятіяхъ въ архивахъ и бібліотекахъ С. Петербурга и Москвы“ (Каз. 1879), являющемся изложеніемъ сущности подготовительныхъ работъ автора по изслѣдованію вопроса о воцареніи Анны Ивановны, Д. А. Корсаковъ, на стр. 7-й, прямо заявляетъ, что въ 1730 году шляхетство возстало именно противъ „олигархическихъ замысловъ“ боярскаго кружка.“ Скоро же мѣняется нашъ авторъ свои научныя „убѣжденія“!

(!) См. Историч. Вѣстникъ 1881 г. №1-я, стр. 200—201.

Во вторыхъ, Д. А. Корсаковъ, продолжая защиту верховниковъ, жалуется, что ихъ обвиняють въ олигархизмѣ и инымъ способомъ: „предположеніемъ на основаніи неизвѣстнаго.“ Вотъ то замѣчательное мѣсто книги г. Корсакова, въ которомъ онъ толкуетъ объ этомъ способѣ обвиненія верховниковъ: „Олигархія, nepoтизмъ!—вотъ какія восклицанія раздавались и раздаются при разсужденіяхъ о дѣятельности верховниковъ, и этими восклицаніями думаютъ норминисты все. Весьма естественно, что такой взглядъ не можетъ почесться серьезнымъ, тѣмъ болѣе научнымъ. Историкъ не въ правѣ судить на основаніи общихъ и предвзятыхъ воззрѣній; но олигархизмъ верховниковъ пытаются доказать такимъ способомъ: *предположеніемъ на основаніи неизвѣстнаго*. Что-бы было, если бы верховники успѣли въ своихъ намѣреніяхъ? Такой вопросъ, очень любимый нѣкоторыми историками, представляется намъ празднымъ и анти-историческимъ. Что-бы было, если бы не Іоаннъ III покорилъ Новгородъ, а Новгородцы побѣдили бы Московскаго великаго князя, что-бы было, если бы Борисъ Годуновъ не прикрѣпилъ къ землѣ крестьянъ? что-бы было, если бы Карлъ XII побѣдилъ Петра подъ Полтавой и т. д. Такихъ фантастическихъ вопросовъ можно поставить безчисленное множество, но совершенно безцѣльно и безрезультатно.“ На только что выписанную доктринальную и нѣсколько самонадѣянную тираду, позволимъ себѣ замѣтить автору, что никто изъ русскихъ историковъ не пытался и не пытается порѣшать вопроса о характерѣ замысловъ верховниковъ одними *восклицаніями* (что позволяетъ себѣ впрочемъ до извѣстной степени развѣ самъ г. Корсаковъ, въ своей филиппикѣ въ защиту верховниковъ), что г. Корсакову болѣе нежели кому либо слѣдуетъ имѣть въ виду, что „историкъ не въ правѣ судить на основаніи общихъ и предвзятыхъ воззрѣній,“ что никто не доказываетъ олигархическихъ стремленій верховниковъ пресловутыми „предположеніями на основаніи неизвѣстнаго,“ а дѣйствительность таковыхъ стремленій выясняется историческою связью событія 1730 года съ явленіями предшествовавшей жизни русскаго государства и всѣми обстоятельствами воцаренія Анны Ивановны, и что вопросы, предположенные авторомъ въ концѣ этой тирады далеко не являются такими праздными и антиисторическими, какими считаетъ ихъ авторъ: что бы правильно и всесторонне оцѣнить и обсудить извѣстное исто-

рическое явление, что бы понять истинный исторический смысл его, необходимо слѣдуетъ задаться по отношенію къ нему именно вопросами, подобными тѣмъ, которые указаны авторомъ. Развивая далѣе мысль о „предположеніяхъ на основаніи неизвѣстнаго“, авторъ продолжаетъ: „Осуждать верховниковъ на основаніи такого предположенія странно по очень простой причинѣ: мы не знаемъ что было бы, если бы верховники одержали побѣду. Но за то мы знаемъ, что самодержавіе Анны Іоанновны явилось не самодержавіемъ, а именно олигархіей, да еще вдобавокъ не національной, а *иноземной*“. И такъ г. Корсаковъ прибѣгаетъ къ тому же способу доказательства, который онъ только что призналъ ненаучнымъ, празднымъ и анти-историческимъ. Дѣйствительно, сущность довода г. Корсакова слѣдующая: „самодержавіе Анны Ивановны явилось *иноземною* олигархіей,—если бы верховники восторжествовали, *быть можетъ* было бы и лучше;“ не есть ли это тоже предположеніе на основаніи неизвѣстнаго? Нѣсколько строкъ ниже, говоря что Голицина укоряютъ въ томъ, что въ его проектѣ забыты крестьяне, г. Корсаковъ заявляетъ: „По нашему мнѣнію они не забыты.... Князь Голицинъ заботится о нихъ на первое время только съ финансово — государственной точки зрѣнія, хлопочетъ объ облегченіи имъ податей; но что было бы *дальше*—мы не знаемъ“, не есть ли это тоже предположеніе на основаніи неизвѣстнаго? И такъ, значить г. Корсаковъ осуждаетъ „предположенія на основаніи неизвѣстнаго“ только тогда, когда они становятся во вредъ его защиты; въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ видитъ для себя пользу отъ этого способа доказательства—онъ и самъ не гнушается пользоваться имъ.

Въ третьихъ, Д. А. Корсаковъ силится снять съ верховниковъ обвиненіе въ олигархическихъ тенденціяхъ *молосае-мимъ* заявленіемъ о томъ, что „дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта до 1730 года не дастъ намъ права заключить, что эта высшая россійская коллегія дѣйствовала исключительно олигархически.“ Такъ какъ авторъ не приводитъ никакихъ фактовъ въ подтвержденіе этого заявленія, то я считаю излишнимъ останавливаться на его разборѣ и противопоставлю ему лишь слѣдующія строки изъ сочиненія профес. Градовскаго: „Высшая администрація Россіи XVIII-го ст. и генералъ—прокуроры“. „Узурпировавъ власть сената, онъ (Верх. Тайный Совѣтъ) не могъ имѣть меньше, чѣмъ и имѣлъ сенатъ,

а постарался взять больше въ томъ смыслѣ, что не допустилъ никакого посредника между собою и монархомъ. Оттого верховныя права, безопасныя въ рукахъ сената съ генералъ—прокуроромъ, явились разрушительнымъ элементомъ въ рукахъ верховнаго тайнаго совѣта, орудіемъ деспотизма при Меншиковѣ и олигархіи при Долгорукихъ.... Верховный Тайный Совѣтъ хотѣлъ основать учрежденіе на одномъ личномъ началѣ и при томъ въ такомъ смыслѣ, что блескъ происхожденія и родовое значеніе замѣняли бы служебное достоинство и свободное избраніе монарха. Это была.... родовая аристократія, соединенная въ коллегію безъ ея организаціи. Отсюда былъ уже прямой переходъ къ олигархіи, противорѣчившій историческимъ преданіямъ страны и вызвавшій энергическій протестъ (см. стр. 136—146 книги проф. Градовскаго).

„Соображая всѣ мѣропріятія верховниковъ“, Д. А. Корсаковъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно ихъ намѣреній: 1) они избрали Анну Іоанновну надѣясь, что она безусловно подчинится ихъ требованіямъ (это заключеніе такъ естественно, что можно бы его и не выставлять); 2) они желали въ ея царствованіе выработать прочныя основанія государственнаго устройства (полагая, что всякое лице, вырабатывающее извѣстныя основанія, рассчитываетъ на ихъ прочность,—и этимъ нисколько не защищаются верховники отъ обвиненія въ олигархическихъ стремленіяхъ,—если же г. Корсаковъ отъ себя лично признаетъ эти основанія прочными—онъ долженъ былъ доказать право ихъ на признаніе за ними такого качества); 3) „на первый разъ (?) они желали прибавить себѣ воли, считая себя, стоящихъ во главѣ государственнаго управленія, первыми людьми, съ которыхъ нужно пачать.“ Намъ вѣрно, право, люди были эти верховники: они, по словамъ г. Корсакова, на первомъ разѣ хотѣли только себѣ прибавить воли, считая себя „первыми людьми“,—а остальные элементы русскаго народа, исключая и шляхетства, могутъ, дескать, пообожать до тѣхъ поръ, пока они, „первые люди“, соблаговолятъ предоставить и имъ вкусить плода отъ сладкаго дерева свободы. Нельзя не сознаться, что наивна въ данномъ случаѣ и аргументація автора „Воздараенія импер. Анны Іоанновны.“ Авторъ очевидно предполагаетъ, что впоследствии верховники „прибавили бы воли“ и другимъ сословіямъ; не узнаетъ ли онъ

въ ней того же „предположенія на основаніи неизвѣстнаго“, противъ котораго такъ ополчается выше? Покончивъ съ объясненіями сущности стремленій верховниковъ, Д. А. Корсаковъ принимается за объясненіе сущности стремленій шляхетства. Здѣсь онъ рѣшаетъ весь вопросъ всего въ двѣнадцати строчкахъ. Шляхетство было „солидарно съ цѣлями верховниковъ по первымъ двумъ вопросамъ“ — т. е. также надѣялось на безусловное подчиненіе императрицы предъявленнымъ ей требованіямъ (такъ ли это, многоуважаемый авторъ?) и надѣялось въ ея царствованіе выработать прочныя основанія государственнаго устройства (можно ли приписать такую надежду и желаніе шляхетству 1730 года вообще?), — но разошлось съ верховниками по существу относительно третьяго вопроса: шляхетство требовало „и себя оо-ли“, шляхетство очевидно не очень то полагалось на обещанія верховниковъ *современемъ* подумать и объ немъ — и въ этомъ конечно нѣтъ ничего удивительнаго.

Наконецъ Д. А. Корсаковъ, заявивъ, что обвинять шляхетство въ сословномъ эгоизмѣ (а стремленіе шляхетства олицетворять въ себѣ „всенародіе“) и споскорыти „столю же смрянно, какъ обвинять верховниковъ въ олигархіи“, высказываетъ по этому поводу уже болѣе нежели *странную* мысль: „исторія не знаетъ виноватыхъ“ — хотя самъ же г. Корсаковъ, въ своихъ предшествовавшихъ главахъ, и, въ особенности, въ своихъ „характеристикахъ“ — неуспѣшно выискиваетъ виновныхъ и привлекаетъ ихъ къ суду исторіи.

3. Приступая къ разрѣшенію вопроса о причинахъ неуспѣхности замысловъ верховниковъ и шляхетства, Д. А. Корсаковъ заявляетъ, что прежде вопросъ этотъ рѣшался „очень просто“, а именно: „шляхетство, возмущенное олигархіей верховниковъ (было бы правильнѣе сказать — стремленіемъ къ олигархіи), просило Анну Іоанновну припять самодержавную власть.“ *Теперь*, послѣ появленія въ свѣтъ „Восцаренія импер. Анны Іоанновны“ — весь вопросъ получаетъ, значитъ, совершенно новую окраску. Посмотримъ же, каково это, уже болѣе „не простое“, разрѣшеніе вопроса (замѣтимъ кстати, что *прежннее* возвращеніе сформулировано авторомъ и въ самомъ дѣлѣ уже черезъ чуръ „просто“). По мнѣнію г. Корсакова не шляхетство, подвѣстнее Аннѣ Ивановнѣ самодержавіе, сокрушило и уничтожило замыслы верховниковъ, — не уничтожили ихъ ни Остерманъ, ни Θεοφάνъ Прокоповичъ.

ни Ягужинский, — а „подготовили они падение своему дѣлу, главнымъ образомъ, сами“ (такимъ образомъ верховники уподобляются теперь Гоголевской унтеръ-офицеринѣ, которая сама себя высклала). Какъ же подготовили верховники свое падение? А вотъ какъ: князь Д. М. Голицынъ „слишкомъ возмнилъ о себѣ“, „хотѣлъ дѣйствовать одинъ за всѣхъ и всѣхъ подчинить своей власти“, „считалъ своихъ противниковъ за толпу, которой онъ можетъ руководить и помыкать по произволу“, „презрительно относился къ своимъ товарищамъ — верховникамъ“, а тѣ „не желали ему подчиниться“ и т. п. Да развѣ изъ этой характеристикѣ не сквозитъ стремленіе къ олигархіи, при которомъ даже сами верховники, еще не заполучивъ власти въ свои руки, уже препираются между собою, напоминая бояръ эпохи малолѣтства Іоанна IV-го? Какъ ни старается авторъ натянуть *новое* рѣшеніе вопроса, онъ долженъ припомнить то, что сказано имъ всего нѣсколькими строками выше, именно, что шляхетство, видя что верховники приближаютъ волнъ *только себѣ* — возстали противъ нихъ, желя и себѣ такой же волн; верховники стали упорствовать — и шляхетство, участвовавшее въ событіяхъ 1730-го года, избрало изъ двухъ волнъ меньшее и поднесло Аннѣ Павловнѣ полное самодержавіе. Такимъ образомъ все такъ оказывается, что замыслы верховниковъ уничтожило именно шляхетство, а неумѣлость и безтактность верховниковъ только помогли послѣднему сокрушить эти замыслы — мысль извѣстная въ литературѣ и до поминанія въ сибѣ книги Д. А. Корсакова, и г. Корсакову слѣдуетъ взять обратно самонадѣянное заявленіе о *прежней простотѣ и непосредствѣ непростомъ* рѣшеніи вопроса.

Что касается вопроса о причинахъ неуспѣхности замысловъ шляхетства — то Д. А. Корсаковъ видитъ ихъ, во первыхъ, въ отсутствіи у шляхетства „вождей“, которые могли бы, воодушевшись общимъ интересомъ, подчинить себѣ большинство шляхетства, а въ вторыхъ, во внутренней разобщенности шляхетства, въ неумѣнии его дѣйствовать сообща. Доказывая эти положенія, г. Корсаковъ заявляетъ объ отсутствіи характера и убѣжденій у огромнаго большинства дѣятелей шляхетства, характеристики которыхъ, неизвѣстно для чего, заняли 50 страницъ книги автора (см. VII-ую главу), приводитъ и свидѣтельство протѣжнаго Тихона Архипова о томъ, что „русскіе другъ друга бьютъ и съ того сыны бьютъ“.

ють", и соображенія о „всегдашнемъ російскомъ качествѣ дѣйствовать изъ воли" и т. п., — и всѣмъ этимъ думаетъ объяснить тотъ неожиданный вольтъ, ту „перемену мыслей у большинства шляхетства", вслѣдствіе которой шляхетство, забывъ всѣ свои проекты и мнѣнія, поднесло Аннѣ Ивановнѣ полное самодержавіе. Что касается нашихъ собственныхъ возрѣній на значеніе шляхетскаго движенія и на причину „перемены мыслей у большинства шляхетства"—они были высказаны нами при разборѣ введенія къ книгѣ Д. А. Корсакова. Вникая глубже въ характеръ и историческія условія жизни русскаго народа (понимая это послѣднее слово конечно шире понятія шляхетскаго „всепародія") можно было бы указать и другія, еще болѣе существенныя, причины неудачи замысловъ верховниковъ и нѣкоторыхъ изъ коноводовъ шляхетскаго движенія 1730 года — но подобнаго рода соображенія повлекли бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы настоящей статьи.

4. Вопросу о результатахъ неудачи замысловъ верховниковъ и о послѣдствіяхъ провозглашенія самодержавія Анны Ивановны—посвящены Д. А. Корсаковымъ пять послѣднихъ страницъ его труда. Мы не остановимся на разсмотрѣніи этой части книги г. Корсакова, такъ какъ она не заключаетъ въ себѣ ничего ни новаго, ни самостоятельнаго, и составлена на основаніи предшествовавшихъ трудовъ по вопросу о воцареніи Анны Ивановны и, главнымъ образомъ, подъ влияніемъ XI-X-го тома „Исторіи Россіи" покойнаго С. М. Соловьева.

Заканчивая разсмотрѣніе историческаго труда Д. А. Корсакова, позволимъ и мы себѣ сдѣлать небольшое общее заключеніе относительно достоинствъ и недостатковъ его. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что авторъ имѣлъ подъ руками богатныя пособія для изслѣдованія избраннаго имъ вопроса и пользовался къ этому отношенію тѣмъ преимуществомъ передъ своими предшественниками, что ему открытъ былъ доступъ въ Государственный Архивъ, гдѣ хранятся важнѣйшіе матеріалы, касающіеся событія 1730-года и гдѣ до автора работалъ надъ изслѣдованіемъ того же вопроса только покойный профессоръ С. М. Соловьевъ. Не вина конечно Д. А. Корсакова, что послѣ трудолюбиваго и высоко—талантливаго ис-

топиографа—ему не удалось извлечь из этого архива ничего существеннаго для новаго освѣщенія вопроса о воцареніи Анны Ивановны. Но за то заслуга Д. А. Корсакова должна быть неомыленно признана въ тщательномъ пересмотрѣ и критической оцѣнкѣ всего матеріала, касающагося изслѣдуемаго имъ вопроса, въ обстоятельномъ обслѣдованіи шляхетскихъ проектов и въ напечатаніи въ приложеніяхъ къ своему труду двухъ неизвѣстныхъ доселѣ шляхетскихъ проектов, и, въ особенности, въ напечатаніи въ тѣхъ же приложеніяхъ извлеченій изъ неизданныхъ депешъ датскаго посла Пестфалена.

Именно въ виду невозможности поставить изслѣдованіе избраннаго имъ вопроса на новыхъ основаніяхъ—автору слѣдовало бы обратить главное вниманіе свое не на фактическое изложеніе самого событія 1730-го года, а на историческое освѣщеніе его, которое оставляло желать весьма многого въ трудахъ предшественниковъ автора. Но мы уже видѣли, что Д. А. Корсаковъ не только не ступилъ въ этомъ отношеніи шага впередъ въ сравненіи съ своими предшественниками, но, напротивъ, представляетъ въ своемъ изслѣдованіи значительный регрессъ передъ этими послѣдними.

Далѣе мы видѣли, что сочиненіе Д. А. Корсакова весьма мало выдерживаетъ критики въ тѣхъ частяхъ своихъ, въ которыхъ авторъ стремится дѣлать собственные выводы изъ изслѣдуемыхъ имъ фактовъ, гдѣ онъ стремится высказать свой собственный взглядъ на значеніе тѣхъ или другихъ факторовъ, дѣйствовавшихъ въ развитіи изслѣдуемыхъ имъ событій. Нсопредѣленность и шаткость воззрѣній автора доходить въ этомъ отношеніи до чрезвычайности—и невольно ставятъ рецензента въ величайшее затрудненіе: положительно не сообразишь, какихъ же взглядовъ держится авторъ? Въ одномъ мѣстѣ скажетъ онъ, что люди родословные идеализировали московскіе, до—Петровскіе порядки, что они желали восстановленія правъ московскаго боярства,—въ другомъ мѣстѣ станетъ говорить, что они идеализировали западно-европейскіе порядки и стремились къ ихъ установленію въ Россіи; въ одномъ мѣстѣ авторъ упорно отрицаетъ у перховниковъ олигархическія стремленія, — въ другомъ мѣстѣ признаетъ у нихъ желаніе дать преобладаніе власти нѣсколькимъ знатнѣйшимъ фамиліямъ, приписываетъ имъ властолюбіе, желаніе по произволу помѣщать другихъ сословій

ми, деспотизмъ и даже тиранію: въ одномъ мѣстѣ говорить, что шляхетство руководилось стаднымъ началомъ, что невозможно вести рѣчь объ его политическихъ умоначертаніяхъ, — въ другомъ мѣстѣ говорить о политическихъ кружкахъ и убѣжденіяхъ шляхетства, выразившихся въ его проектахъ и о сознаниіи имъ необходимости расширенія круга государственныхъ реформъ и т. д. Слѣдуетъ отмѣтить далѣе отсутствие руководящей идеи въ изслѣдованіи Д. А. Корсакова, вслѣдствіе чего онъ безпорядочно бросается отъ одного вопроса, отъ одного явленія, къ другому, начинаетъ говорить объ одномъ и затѣмъ поспѣшно хватается за второе, — недоковчивъ второго, обращается опять къ первому и т. д., благодаря чему въ книгѣ масса повтореній и раскиданіе по различнымъ главамъ книги матеріала, который долженъ былъ бы быть разсматриваемъ и оцѣняемъ во всей своей полнотѣ, въ полной, стройной, пачности своей. Всѣ эти недостатки, разсматриваемые въ связи съ значительною самопадѣйностью, небрежностью и спѣшностью работы — придаютъ книгѣ г. Корсакова характеръ какой то исторической христоматіи, каковаго то собранія историческихъ фактовъ, выписокъ изъ протоколовъ В. Т. Совѣта, записокъ современниковъ, депешъ иностранныхъ пословъ и различныхъ официальныхъ актовъ — расположенныхъ по главамъ и па-скоро связанныхъ на живую нитку. Прочитавъ книгу Д. А. Корсакова, читатель вынесетъ вслѣдствіе всего этого мѣтѣе цѣлостное впечатлѣніе, нежели изъ прочтенія третьей главы XIX-го тома „Исторіи Россіи“ проф. Соловьева.

Еще нѣсколько словъ о самомъ приѣмѣ Д. А. Корсакова писать историческія изслѣдованія. Всякій изслѣдователь, имѣющій уваженіе къ литературѣ и къ трудамъ своихъ со товарищей по наукѣ — нравственно обязанъ отграничить въ своемъ трудѣ тѣ стороны вопроса, которыя самостоятельно разработаны имъ самимъ, отъ тѣхъ вопросовъ, которые разработаны его предшественниками и выводы изъ которыхъ всецѣло заимствованы у послѣднихъ. Авторъ „Воцаренія импер. Анны Іоанновны“, считаетъ это совершенно излишнимъ. Онъ пользуется трудами предшественниковъ своихъ, усваиваетъ ихъ выводы, ихъ мысли — и ни единымъ словомъ, ни единою цитатою, не указываетъ источника высказываемыхъ имъ воззрѣній, не заботится нисколько о выясненіи того, что сдѣлано въ изслѣдованіи вопроса о воцареніи Анны Ива-

новны его предшественниками и что принадлежить въ этомъ отношеніи *ему лично*. Несвѣдущій читатель, предупрежденный о томъ, что авторъ работалъ въ столичныхъ архивахъ и даже въ трудно—доступномъ Государственномъ Архивѣ, легко можетъ быть введенъ въ заблужденіе, вообразить, что все описываемое авторомъ впервые извлекается имъ на свѣтъ Божій, что г. Корсаковъ открылъ Калифорнію въ русской исторической наукѣ.

Въ предисловіи къ своей книгѣ, Д. А. Корсаковъ заявляетъ, что видя „*вполнѣ ясно*“ недостатки и промахи своего труда (поторимъ автору вопросъ, уже поставленный однимъ изъ его рецензентовъ: если авторъ *вполнѣ ясно* сознавалъ недостатки и промахи своего труда, зачѣмъ же не исправить оныя ихъ своевременно?) и, совершенно отстраняя отъ себя личное самолюбіе, искренно желаетъ лишь одного: *строгаю и безпристрастнаю суду ученой и литературной критики.*“

Да не посѣтуетъ же на насъ уважаемый авторъ за сдѣланный разборъ его труда. Авторъ имѣлъ всѣ данныя для блистательнаго выполненія предпринятаго имъ труда: и несомнѣнную талантливость, вполнѣ выразившуюся въ его магистерской диссертациі (которую мы предпочли бы видѣть докторскою, вмѣсто „Воцаренія импер. Анны Іоанновны“), и возможность доступа во всѣ столичные архивы и библиотеки, и указанія и совѣты многихъ русскихъ ученыхъ, и большое количество времени въ своемъ распоряженіи: а кому много дано, съ того много и спросится.

[illegible]

ОПЕЧАТКИ

КЪ БРОШЮРЪ:

„Верховники и шляхетство 1730-го года“.

Стран.	Строча	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
2	13	Явленіе бывшавшее на Руси со времени великой княгини Ольги:	Явленіе, до XVIII-го вѣка бывшавшее на Руси со времени ве- ликой княгини Ольги:
3—4	—	верховникоу	верховникоу
18	18	шляхты чинъ	шляхтчиноу
20	4	уноначертаній	уноначертаній
22	11	гарантий .	гарантий
24	7	уноначертаніе;	уноначертаніе,
25	3	шляхетствоу	шляхетствоу
26	26	походоу время.	походоу время,
27	28—29	сравнительное съ шляхет- ство	сравнительное съ шля- хетствоу
—	30	представляется	представляется
30	3	раньше	раньше
—	6	слѣдовательно	слѣдовательно
31	2	русскими	русскими
35	7	дѣла.	дѣла).
36	14	забитыхъ плаванъ	забитыхъ плаванъ
43	10	переданныхъ	переданныхъ
58	5	сравнительно,	сравнительно
—	40	отомла	отомла
59	3	либо	либо
60	20	первой полковни	первой полковни
67	14	налагается	налагается

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS
NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON
OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW.

4696175

4698667
JAN 2 '75 H.

DEC 4 '75 H

WIDENER
BOOK DUE

FEB 12 1988

1697658

WIDENER
BOOK DUE

JUL 5 1988

1494604
MAY 4 1988

CANCELLED
STALL STUDY
CHARGE

WIDENER LIBRARY



HX VB6G S